

Наталья Дым

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

Дело
N-ского Потрошителя

Наталья Дым
Дело N-ского Потрошителя

«Автор»

2023

Дым Н. М.

Дело N-ского Потрошителя / Н. М. Дым — «Автор», 2023

N-ск живёт размеренной, неторопливой жизнью. Позади страшные годы разрухи, Гражданской войны, Страна Советов шагает вперёд в светлое будущее. Жители N-ска работают на льнокомбинате, влюбляются, женятся, читают газеты, ходят в кино, как и все граждане Советской Республики. Но череда кровавых преступлений внезапно нарушает привычный ход жизни. Кто-то убивает молодых женщин, выбирая только натуральных блондинок. Оперативники Уголовного розыска сбились с ног, пытаются вычислить и поймать неведомого злодея, которого с лёгкой руки местного газетчика все окрестили Потрошителем. Дело принимает серьёзный оборот, на него обращают внимание в Москве. В Комиссариате Внутренних Дел принято решение послать в помощь местным товарищам следователя по важнейшим делам Иванова, молодого, но очень опытного специалиста. Он точно разберётся, что к чему. Но даже ему не сразу удастся понять, кто этот загадочный убийца. Сколько тайн скрывается за делом уездного Потрошителя? Когда все началось? Чем закончится?

© Дым Н. М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Дым

Дело N-ского Потрошителя

Приношу извинения всем историкам, все совпадения описываемых обстоятельств с историческими событиями случайны и несерьёзны.

А так же автор вольно трактует политическое и социальное устройство общества, вносит свои коррективы в судебную и карательные системы, и вообще ведёт себя безобразно и безответственно.

Пролог

Сегодня погода не шептала, она поливала такой нецензурщиной, что ей позавидовал бы даже революционный матрос. Впрочем, звуковые эффекты не были самой неприятной вещью этим поздним ноябрьским вечером.

Алевтина вытерла заплёванное мокрым снегом лицо и выругалась – куда там революционному матросу! Даже метель уважительно примолкла на несколько секунд. Но тут же взвыла с новой силой.

Порыв ветра ощутимо ударил Алевтину в спину. Высокий каблучок заскользил по наледи, и Алевтина непременно бы упала, если бы не ухватилась обеими руками за шершавую и холодную стену дома. И зло зашипела: выщербленная штукатурка разорвала тонкие гипюровые перчатки и оцарапала ладони.

Нет, всё же это была огромная глупость – уходить из ресторана вот так, демонстративно хлопнув дверью и отказавшись от авто. От нервов и злости даже калоши забыла в гардеробной. И вот теперь корячится тут, как корова на льду, в красивых, но таких непрактичных модных ботиночках.

Вдруг из тёмной, пахнувшей кошками подворотни навстречу шагнул тёмный сторбленный силуэт. А вот это было вообще паршиво. Алевтина покрепче сжала в озябших ладонях ремешки сумочки. Так просто она не сдастся! В сумочке у неё ни много ни мало, а кусок заграничного мыла, духи «Красная Москва» и последний писк сезона – бутылочка лака для ногтей. Это богатство она таскала с самого утра, боясь расстаться с сумочкой хоть на минуту. Не каждый день такое счастье выпадает – возможность затариться в Торгсине¹. Она и в ресторан всё с собой прихватила в надежде, что козёл Сидоров, ходивший у неё в ухажерах и имевший хорошую должность в наркомате труда, отвезёт её домой на служебном автомобиле и ей не придется тащить своё сокровище самой. Но козёл перекушал коньяка, стал вести себя по-свински, и как результат – Алевтина сейчас одна, без калош и в рваных перчатках, в тёмной, продуваемой всеми ветрами подворотне. Из средств защиты – только ридикюль с мылом. Хотя... Если как следует прицелиться и самой при этом на пятую точку не упасть...

– Здравствуйте, Алечка! – Тёмный силуэт качнулся ей навстречу, и Алевтина облегчённо перевела дух. Чего испугалась, дурочка?! Ну, бывает, в темноте не узнала. Она отлично помнит этого гражданина.

– Здравствуйте, това... – Алевтина не договорила, захлебнувшись горячими слюнями, вдруг заполнившими её рот. Это было так неприлично, что она сделала несколько судорожных глотков, чтобы, не дай бог, не оконфузиться. Но они пузырились на онемевших губах.

В подворотне резко сгустилась темнота. Алевтина покачнулась, попыталась ухватиться за рукав стоящего рядом товарища. Не удержалась, упала, больно ударившись коленками о твёрдый крупчатый лёд. Мимоходом подумала, что фильдеперсовым чулкам пришёл полный конец. И уже не видела, как тот самый гражданин наклонился над ней, вытер трёхгранный клинок о модный шёлковый шарфик очень правильного, революционного цвета и растворился в холодной ноябрьской ночи.

¹ Торгсин государственная организация в СССР, занимавшаяся обслуживанием гостей из-за рубежа и советских граждан, имеющих «валютные ценности» (золото, серебро, драгоценные камни, предметы старины, иностранную валюту), которые они могли обменять на пищевые продукты и другие потребительские товары.

Глава 1

Назвать N-ск глухой провинцией не повернулся бы язык даже у заклятого врага всей N-ской губернии. N-ск вам, конечно, не Питер и не Москва, но тоже вполне себе приличный город. Всё в нём имелось, чтобы жители могли им по праву гордиться.

И конка, которая со временем стала трамваем, и пятиэтажные доходные дома с водопроводом и канализацией, превратившиеся в коммунальные квартиры, и ярмарка, которую не смогла изжить даже Советская власть, и свои бандиты, такие же вечные, как и ярмарка. А вот весёлых домов не было даже при прогнившем царском режиме. Не покупали мужчины N-ска любовь, ни к чему им это было. Бесплатной хватало на всех, и даже с излишком.

А всё потому, что представительниц прекрасной половины человечества в N-ске было примерно в полтора раза больше, чем мужчин. И перепись одна тысяча двадцать шестого года это только подтвердила.

Как иначе могло быть, если в N-ске находился один из крупнейших в Советской республике льнокомбинатов? И работали там в основном женщины.

Правда, комбинатом он стал всего полгода назад, но и до этого N-ская льнопрядильная фабрика «Красный Текстильщик» гремела по всей средней полосе Советской России. Конечно, до Ивановской мануфактуры N-скому комбинату было далеко, но в пятёрку лидеров лёгкой промышленности он входил твёрдо.

Ещё до революции ездили вербовщики по деревням и селам и всеми правдами и неправдами заманивали крепких и здоровых девок работать на мануфактуру. Обещали блага земные и почти небесные.

Не сильно изменилось положение и при Советской власти, разве только охват территорий, откуда прибывали работницы, стал шире. Даже со студёных берегов полных морей приезжали холодные северные красавицы, а из жаркого Туркестана – смуглянки с раскосыми глазами.

Весной N-ск утопал в пахучей пене сирени всех цветов и сортов, летом шелестел клейкой листвой тополей, осенью чавкал тяжёлой рыжей глиной, а зимой тонул в синих сугробах. Но одно оставалось неизменно – тяжёлый запах рогожи и взвесь льняной пыли в воздухе. Да, жители N-ска привыкли видеть то, чем дышат.

А ещё – специфика преступлений в N-ске была особенной. Даже в лихие послереволюционные годы тут преобладали преступления на почве страсти, как высокопарно и витиевато выражался прокурор N-ска Молчалин Пётр Данилович. А остальные сотрудники говорили по-простому: все беды из-за баб. Причём если в других губерниях преступниками на почве ревности становились в основном мужчины, то в N-ске – женщины.

В основном полиция, а потом и милиция занимались драками и бытовыми склоками. Так сказать, «причинением вреда здоровью разной степени тяжести». Не то чтобы в N-ске не убивали, как без этого, и, бывало, убивали весьма изощрённо. И соперниц убивали, и неверных мужей, и ветреных любовников. Но всё это происходило с поправкой на женскую психологию.

Но вот поздней осенью, почти уже зимой, одна тысяча тридцать ***ого года избалованная однотипностью преступлений N-ская милиция почти прохлопала череду странных и необъяснимых убийств. Вернее, заметили их N-ские оперативники и следователи только на третьем случае. Заметили и провели параллели. А потом волей-неволей объединили все убийства в одно дело.

Но тремя жертвами неведомый душегуб не ограничился, довольно быстро произошло ещё два убийства.

Убивали женщин. Жертвы были из разных слоёв общества, друг с другом в знакомствах не состояли и в обычной жизни не пересекались. Тут и секретарша наркома, и продавщица

из магазина модного платья, и судомойка из столовой комсостава части РККА², и обычная домохозяйка... И география преступлений разнилась тоже. Но всё же схожесть у жертв была. Все они были молоды, хороши собой и одного типажа.

Все женщины, как одна, были блондинками того самого пшеничного оттенка, что так хорош, когда натурален, и так пошл, когда женщины жгут себе волосы гидроперитом. А ещё все гражданки были светлоглазы и фигуристы. Убивали их в тёмных подворотнях ударом острого трёхгранного клинка, что и удивило следователей и оперативников. Обычно N-ские преступники использовали что попроще – финка, кухонный нож, а то и вилы. Необычное орудие убийства так и не нашли. Душегуб уносил его с собой. Так что у следствия не было ни примет преступника, ни его отпечатков пальцев. Даже слепки со следов обуви снять не удалось.

В случае с судомойкой подворотня была слишком истоптана большим количеством народа, ведь проживала гражданка в многоквартирном доме. Даже удивительно, как злодей смог провернуть всё, не засветившись ни перед кем из многочисленных жильцов.

Секретарша наркома жила в доме, где служил очень хороший дворник, который скоблил мостовую настолько усердно, что извёл снег на своей территории начисто.

Продавицу убили, когда мела метель – первая в этом году, но такая сильная, что снег просто засыпал все следы и возможные улики. А с домохозяйкой вообще глупость вышла – её тело перенесли добросердечные соседи ещё до приезда милиции и место преступления оказалось затоптано несознательными гражданами.

Да и с остальными жертвами дела обстояли не лучше.

Не сразу, но всё же поняли правоохранные органы, что все убийства одних рук дело. И милиционеры были уверены: преступник – мужчина. Криминалисты подтверждали это на девяносто девять процентов. Один процент оставили на всякий случай, мало ли что, всяко бывает.

От понятной растерянности и чудовищности происходящего не смогли сыщики утаить шила в мешке, а может, и не захотели. Дело получило широкую огласку. Потом, конечно, виноватых в разглашении примерно наказали, но было уже поздно. Оправдывало сотрудников Уголовного розыска только одно – в N-ске с большим уважением относились к печатному слову.

Впрочем, не напечатали бы обе губернские газеты ни строчки о кровавом преступлении или отделились парой фраз где-нибудь в «подвале», если бы не было негласного, но от этого не менее весомого разрешения от одного очень высокопоставленного партийного работника. Поговаривали, сам первый заместитель начальника N-ского обкома приложил к этому руку.

Обе местные газеты наперебой вываливали на читателя кровавые подробности, не забывая, впрочем, возлагать надежды на скорую поимку душегуба и осторожно критиковать местное УГРО. Ведь советские гражданки не должны погибать пачками от рук врага народа (а кем ещё мог быть неизвестный преступник?).

Лидером, несомненно, была «Правда N-ска». Газету раскупали как горячие пирожки, редактор даже тираж повысил. А всё благодаря бойкому перу репортёра криминальной хроники, молодого и горячего комсомольца Александра Тролева. Он и придумал злодею звучное прозвище – Потрошитель, которое приросло к не пойманному ещё преступнику намертво.

Зато прокурор N-ска о молодом даровании думал совсем не лестно. Вот и сейчас, собрав на экстренное заседание начальников отделений милиции N-ска, зло мял он в руках свежий номер «Правды N-ска». Потом пренебрежительно отбросил пахнущие типографской краской тонкие хрустящие листы в сторону, как что-то неприятное или даже мерзкое.

Смотреть на прокурора города было тяжело. Осунулся он за последние семь дней, резко постарел и как-то весь скукожился. Поговаривали о зубе, который точил на Петра Даниловича

² Рабоче-крестьянская Красная армия

тот самый первый заместитель начальника обкома партии N-ска, и возможных последствиях и для самого прокурора, и для всей N-ской милиции.

Пётр Данилович с силой провёл ладонью по лицу, не замечая, как расцветивает щёки и лоб чёрными маркими полосами. Обвёл тяжёлым взглядом собравшихся и заговорил, сначала негромко и устало, но с каждым словом тон его голоса становился всё более суровым и к концу монолога уже гремел громогласным рёвом, заставляя дребезжать стакан тонкого стекла на столе и вжиматься в плечи головы начальников отделений.

– Ну что, как всем работается? Пять убийств и никаких улик. Вот, даже рупор советской общественности молчать больше не может. – Пётр Данилович с силой ударил по сложенной газете, словно желая прихлопнуть и сам рупор, и того, кто в него кричал. – Или кто-то надеется отсидеться? Предупреждаю, что место деревенского участкового инспектора покажется вам избавлением. Потому что пахнет тут вредительством и саботажем...

На последних словах Пётр Данилович опять понизил голос, и это произвело на присутствующих сильное впечатление. Все знали: понапрасну Пётр Данилович ни кричать, ни пугать никого не станет.

В кабинете повисла звенящая тишина, только шальная, неизвестно откуда взявшаяся муха надсадно жужжала где-то под потолком.

– Степан Матвеевич, есть что сказать? – Прокурор в упор посмотрел на начальника Центрального отделения милиции N-ска.

Невысокий, но крепкий мужчина лет пятидесяти встал, прокашлялся и негромко начал:

– Вы знаете, делом занимаются мои лучшие люди. Но, Пётр Данилович, время-то упущено, часть улик безвозвратно утеряна, свидетели путаются в показаниях, да и тела уже успели похоронить. Эксгумацию, конечно, провели, но... – Он развёл руками и удрученно качнул головой.

За столом недовольно завозились и запыхтели, словно хотели что-то сказать, но никто так и не решился заговорить.

– Да я не в упрек товарищам, – заметив тяжёлые взгляды коллег, добавил Степан Матвеевич, – но факты – проклятая вещь.

Прокурор недобро сощурился и отрывисто бросил:

– А чего ты, Степан Матвеевич, расшаркиваешься, как кадет на первом балу? Говори прямым языком. Как и положено советскому милиционеру. «Обделались вы, мои дорогие товарищи, а я за вас дерьмо должен разгрести!». Только ведь это ничего не меняет. Знаю я, кто у тебя этим делом занимается. Ожаров. Оперативник он опытный и хваткий. Но результатов как не было, так и нет! Отписки одни. Обленился Ожаров? Забюрократел?

Пётр Данилович замолчал на несколько секунд и продолжил уже тише, в голосе послышались вкрадчивые нотки, от которых у присутствующих на душе стало совсем нехорошо:

– А может, N-ск ему больше не подходит? Простору ему не хватает? Развернуться негде? Так я поспособствовать могу, в Сибири вон новые города строят. Там ой как нужны опытные кадры. И тебе, если тут плохо работается, тоже путёвку в жизнь организую.

Степан Матвеевич отповедь прокурора выслушал стоически, головы не опустил. Только желваки на щеках закаменели, и прилила к щекам кровь.

Прокурор перевёл дыхание, словно выплеснув всё на Степана Матвеевича, резко успокоился и заговорил дальше размереннее и деловитее:

– Если помощь какая нужна – говори, не стесняйся. И товарищи чекисты, если надо, подключатся. Не зря же одно ведомство сейчас. Судебного медика лучшего тебе отряжу. Автомобиль – получите.

Пётр Данилович вдруг как-то хитро сощурился и закончил насмешливо:

– А то могу ещё мою Анастасию предложить, она очень в бой рвётся. Просится в группу к твоему Ожарову. Сдерживаю из последних сил.

Все облегчённо заулыбались и задвигали стульями. Кажется, гроза миновала. Настю Окуневу, молодую стажёрку, недавно присланную с юрфака столичного ВУЗа в Прокуратуру N-ска, не знал только слепой.

Степан Матвеевич, в отличие от большинства коллег и самого Петра Даниловича, девчонку считал совсем не глупой, но при этом признавал, что зря она такую специальность выбрала. Не подходила Настя для должности прокурорского работника. И в первую очередь – своей выдающейся внешностью.

Высокая, статная, с пшеничной русой косой в руку толщиной и наивными глазами необычного фиалкового цвета в обрамлении веера длиннющих ресниц, Настя походила на дорогую фарфоровую куклу. Да ещё и её вечный яблочный румянец на нежных щеках с ямочками. И аппетитные круглые колени... Да и остальные достоинства у Насти были там, где положено, и в тех объёмах, какие нужны. Даже где-то и с избытком.

Степан Матвеевич подавил неуместную улыбку и серьёзно ответил:

– Настю – не надо. Но вот от помощи не откажусь.

Пётр Данилович погасил легкомысленную усмешку и серьёзно кивнул.

– Может, освободить его от текущих дел, чтобы от важного не отвлекался? Нам ведь панику среди населения предотвратить надо. Не ровен час... – Прокурор со значением замолчал.

Степан Матвеевич удовлетворённо кивнул:

– Дела текущие Ожаров почти закрыл, новых поручать ему не буду, по остальным группам распределяю, да и товарищи из других отделений помогут. – И он вопросительно глянул на прокурора.

– Помогут, – с нажимом сказал Пётр Данилович и обвёл тяжёлым взглядом собравшихся.

Начальники отделений глаза прятали, но головы в знак согласия наклоняли. Да и то сказать, разгрузил их Степан Матвеевич Мальков со своим уникалом старшим уполномоченным Ожаровым. Неподъёмный груз снял с плеч. Потому что дело было, прямо сказать, бесперспективное и страшное.

– Следователя бы толкового нам... – Продолжил Степан Матвеевич.

Надо сказать, что следователи в этом деле менялись чаще, чем полотенца в милицейском буфете. Не везло делу со следователями. То с приступом аппендицита увезут, то с пневмонией сляжет, а то просто вдруг исчезнет, как будто и не было.

Совещание длилось уже два часа, когда на столе прокурора резко зазвонил один из телефонных аппаратов. Все замолчали. А телефон звонил и звонил.

Пётр Данилович шумно слотнул, прокашлялся, поднялся со своего кресла, расправил плечи и снял трубку:

– Слушаю вас, товарищ нарком...

Голос у прокурора звучал сипло и глухо.

Выслушав собеседника, Пётр Данилович судорожно кивнул, словно на другом конце провода его могли видеть, и тихо прошелестел в трубку:

– Есть встретить...

После того как прокурор бережно положил телефонную трубку на рычаги, молчание в кабинете нарушить никто не осмелился. Было слышно, как на стене громко тикают часы да где-то в соседнем кабинете играет радио.

– Дождались... – устало и обречённо выдохнул Пётр Данилович. – Просил Матвейч следователя и допросился. К нам направлен Иванов Сергей Алексеевич, следователь прокуратуры Москвы по важнейшим делам.

Тут все разом заговорили, задвигали стульями. Но в возмущённом гомоне милицейских начальников слышалось явное облегчение. Да, гость из столицы, тем более такой, следователь

прокуратуры, это мало хорошего, но с другой стороны – приезд такой большой шишки снимал с них ответственность. А что они? Пусть начальство московское теперь за всё отвечает. Хмурился один Мальков, он знал: и среди птиц высокого полёта толковые следователи есть, но не так много, как хотелось бы. И не факт, что именно такой достанется им.

Денис широко, с треском в скулах, зевнул и потянулся, разминая затёкшие мышцы. Третью ночь он не уходил из кабинета, даже и спал тут. Ну как спал – забывался на пару часов, и снова к делам.

От начальства поступил недвусмысленный приказ – в авральном порядке закрыть все текущие дела и целиком и полностью сосредоточиться на деле N-ского Потрошителя.

Степан Матвеевич Мальков даже намекал на то, что может передать и текущие дела другой оперативной группе, что вообще было беспрецедентно. Но Денис не привык свою работу перепоручать кому-то ещё. Да и всё равно не успокоится, пока не узнает, что все злодеи найдены и понесли заслуженное наказание.

Впрочем, пару дел он всё-таки с чистой душой отдал Малькову. Там была настолько очевидная ситуация (одна поножовщина, когда виновника взяли на месте преступления, и нанесение тяжких телесных повреждений гражданкой своему сожителю посредством сковороды), что Денис был уверен – заporоть дела просто невозможно. А вот с остальными пришлось всей его оперативной группой побегать саврасками.

Вот как раз вчера в десятом часу вечера и нашли фигуранта по последнему незавершённому делу. Пришлось, правда, подключить уголовников-информаторов, пойти на поклон к известному криминальному авторитету, чего Денис очень не любил. Но, как говорил Петрович, любишь не любишь, да почаще взглядывай. Зато результат налицо, вернее, на уголовное дело, которое теперь можно спокойно передавать следователю.

Денис подвинул к себе пачку папирос и заглянул внутрь. Оставалась последняя штука. Он вздохнул и шипяще выругался сквозь сцепленные зубы. Надо бы послать кого-нибудь в лавочку. А лучше – самому прогуляться. А то от душного спёртого воздуха и табачного дыма, который не успевал уплывать сквозь открытую форточку и висел сизым облаком в кабинете, уже кружилась голова и немилосердно ломило виски. Да и не помогают уже папиросы со сном бороться. Мысли путаются, мозги кипят. А тут – пройдётесь он по морозцу, проветрит чугунную от недосыпа голову, глядишь, и появится какая-никакая идея и по душегубу с трёхгранным клинком.

Денис накинул на плечи выдавший виды тулуп, бывший когда-то белым и щегольским, а сейчас ставший жёлтым до рыжины и от долгих лет носки потрескавшимся на плечах, надвинул на самые глаза серую шерстяную кепку и, зябко ёжась от свежей утренней изморози, вышел на бульвар.

Вышел, вздохнул полной грудью вкусный, словно хрустящий воздух и улыбнулся. Хорошая это идея – прогуляться.

Он уже почти дошёл до бакалейной лавочки, где торговали всем подряд, от ситника и селёдки до дурного кислого вина, носившего гордое название «Крымское», когда его окликнул знакомый, но до невозможности бесящий голос:

– Товарищ следователь! Денис Савельич! Пойдите!

Денис мысленно выругался: принесла же нелёгкая! Болезненно поморщился, как от зубной боли, и ускорил шаг в надежде, что приставучий гражданин отстанет от него и найдёт другой объект для преследования. Но не тут-то было.

Знал его Денис преотлично. Санёк Тролев собственной персоной. Не раз и не два сталкивался с ним Денис на всяческих торжественных мероприятиях, даже был героем его очерков, впрочем, весьма лестных. Но почему-то не любил бойкого газетчика. Наверное, за излишнюю самоуверенность. Или даже не так. За излишне активную жизненную позицию. Такие вот

активные и идейные граждане были сущим наказанием для оперативников, потому что считали, и очень искренне при этом, что знают рецепты ото всех бед.

– Денис Савельевич, – запыхавшийся репортёр зашагал рядом с Денисом, подстраиваясь под его широкий шаг, – есть ли новые сведения по делу Потрошителя? Есть ли у следствия какие-то догадки? Общественность должна знать правду, люди хотят спать спокойно! И мой долг эту правду донести.

Денис устало покосился на посиневшего от холода парня. Вот ведь, продрог, небось, до костей, а сторожил его, Дениса, у дверей отделения с самого раннего утра.

Даже стало жалко Санька. После цикла его статей велено было начальником отделения милиции Мальковым Степаном Матвеевичем не пускать Тролева на порог. И дежурные – не пускали. Тот и возмущался, и уговаривал, но ничего поделывать не смог. Видимо, от отчаяния намекнул в одной из своих публикаций о чинимых препонах свободной советской прессе. И сделал себе только хуже. Теперь с ним было запрещено даже говорить. Впрочем, Денис и не собирался.

– Товарищ Ожаров! – не унимался репортёр. – Мне что, сразу к прокурору обратиться, раз вы сотрудничать отказываетесь?

«Обратись, обратись». Денис спрятал усмешку в рыжем воротнике тулупа. «Я посмотрю, как Молчалин тебя с лестницы спустит!»

Но молчать в данном случае было бесполезно. Тролев настырный, всё равно не отстанет. Денис остановился, хмуро оглядел стоящего перед ним молодого человека в когда-то пижонском, а теперь слегка поношенном драповом пальто с енотовым воротником и буркнул себе под нос:

– В интересах следствия материалы дела не разглашаются.

И сразу влетел в лавочку, привалился спиной к двери и перевёл дух. Раннее утро, а он вымотан до предела. Ко всему вчера ещё одна проблема нарисовалась. Мысли о которой Денис гнал от себя изо всех сил. Но ведь понятно, что строить из себя гимназистку на сносках бесполезно. Проблема, как и беременность, сама не рассосётся.

Кто-то там, на самом «верху», решил, что пора агентам N-ского УГРО помощь оказать. Слишком громкое дело получалось. Ведь ни много ни мало пять гражданок порешил неизвестный злодей. А у следственного отдела – ни одной толковой зацепки. Что уж о полноценных версиях говорить? Вот и ожидалось сегодня прибытие «дознавателя ажно из самой столицы», Москвы-матушки. Который будет под ногами мешаться да на местных сотрудников УГРО свысока смотреть. Потому что убийцу ловить – это вам не за дубовым столом сидеть. Тут конъюнктуру надо знать. Уметь с местными разговаривать, среди которых не только мастеровые, которые могут более или менее связно изъясняться, но и полудикие мужики и бабы из дальних лесных деревень. Некоторые из них не то что писать или читать не могли, а и стеклянной посуды никогда не видели и на печатные плакаты Кукрыниксов³ крестились и через левое плечо плевались. С кондачка тут действовать нельзя. Но приедет москвич и не станет слушать советов провинциального следака. Наворотит дел, разгонит свидетелей, спугнёт упыря. Тот заляжет на дно. А столичный ухарь уедет с чувством выполненного долга, считая, что так и надо. Дело повиснет «глухарём», пока упырь не осмелеет и вновь не выйдет на охоту. А если повезёт, и они сцапают злодея, то все заслуги припишут заезжему молодцу, а не его операм. Хотя такой вариант предпочтительней. Плевать на лавры и почести, главное – мразоту эту остановить.

А ещё писаки эти... Денис раздражённо цыкнул зубом. Сыр-бор разожгли и до Первопрестольной волну мутную нагнали. Денис понимал, что злость его глупая и неконструктивная. Просто ищет он крайнего. Вот сейчас крайним этого парня назначил. А по сути – виноват

³ творческий коллектив советских художников-графиков и живописцев

только он сам. Не видит он чего-то. Не различает за деревьями леса. И вообще, кто его знает, может, следак-то толковый приедет. Посмотрит свежим взглядом, заметит ту ниточку, которую ну никак не может Денис даже ногтем зацепить.

Он тяжело вздохнул и сгрёб с прилавка поданную продавцом пачку сигарет, фунт ситника, триста грамм ветчины и кулёк ландринных конфет. Надо было опять в отдел возвращаться. И думать, думать, думать... Потому что на столичного специалиста надейся, а сам – не плошай!

Когда Денис вышел на улицу, Тролева уже и след простыл. Впрочем, и звонкий бодрящий морозец пропал, словно его не было. Небо заволокло тяжёлыми брюхатыми тучами, грозившими разразиться снегопадом в самый неподходящий момент. Снег под яловыми сапогами уже не вкусно скрипел, а противно хлюпал. Вот ведь как оно бывает. Переменчива у них погода. Капризна, как красивая барышня.

Денис поднял повыше воротник, до сих пор пахнувший овчиной, и зашагал обратно к листам бумаги, убористо исписанным его собственным почерком, страшным фотографиям с мест преступлений и вонючей пепельнице. Может, хоть кто из ребят догадается из неё окурки высыпать? А то он-то забыл...

Санёк поглядел на захлопнувшуюся перед его носом дверь бакалейной лавчонки и от досады сплюнул на тротуар.

К прокурору Санёк, естественно, не пойдёт, это он так, от досады ляпнул. Но дело было – швах. Все известные факты были обсосаны раз по десять. Санёк их уже устал вертеть в своих статьях, подавая картинку то с одного ракурса, то с другого. Пока редактора всё устраивало. Но сколько верёвочке ни виться, а конец-то будет.

Конечно, где-то он и сам виноват. Не надо было вот так сразу. Но редактор сказал показать преступление во всём его кровавом ужасе. И сам лично потом в Санькину статью добавил про проволочки и затягивания следствия. Санёк удивился, но промолчал. Только слова редактора немного приукрасил парой словесных завитушек. От чего они только выиграли.

Санёк справедливо считал себя гением пера. Умел он писать так, что сердца простых обывателей замирали от страха и пылали от негодования, если Саньку того требовалось.

Но без свежих фактов нового очерка не сделаешь. А если не сделаешь, то прости-прощай первая полоса, отправится он опять в самый подвал газеты про удои и опоросы в подшефном колхозе писать.

Санёк осуждающе шмыгнул носом на несознательного Ожарова, который окопался в бакалейной лавке, и задумался.

Отступать от намеченных целей он не привык. Вперёд и только вперёд, комсомолец он или нет? Его товарищи и не с такими задачами справлялись.

Санёк вычитал однажды в одной брошюре замечательное высказывание: «О светлом будущем заботятся политики, о светлом прошлом – историки, о светлом настоящем – журналисты»⁴. Оно и стало его девизом по жизни. Его задача – заботиться о настоящем. Пока тут, в N-ске, но Санёк не планировал останавливаться на достигнутом. Виделись ему далёкие горизонты. Грандиозные стройки, великие достижения, столичные газеты. И он такой, скромный герой пера и бумаги, борец за справедливость... Это задача максимум, а минимум пока – съезд литераторов, который будет проходить в столице уже этой весной. И как нужна Саньку путёвка на этот съезд... Ну просто до зарезу! Но для этого надо было иметь хороший цикл статей на громкую тему. Иначе затеряешься в толпе таких же резвых молодых людей с волчьей хваткой и здоровым отсутствием глупого буржуйского предрассудка – совести.

⁴ Жарко Петан – словенский писатель, сценарист, режиссёр, афорист

Санёк зажмурился на секунду, но тут же вернулся из мечтаний на землю. Он переступил озябшими ногами и опять шмыгнул носом – на этот раз деловито. План уже созрел и оформился в толковую мысль.

Санёк решительно зашагал обратно в милицию. А точнее – в тамошний буфет. Там трудилась пышногрудая подавальщица Зиночка, которая давно и плотно вздыхала по бойкому газетчику с тёмными маслинами глаз в обрамлении длинных девчачьих ресниц. А ещё была очень сознательной гражданкой, которая прекрасно понимала задачи советской журналистики в лице Санька Тролева. Поэтому и несла ему всякие факты, не всегда, правда, достоверные, но Санёк справедливо считал – лучше загодя ударить в колокол, чем опоздать с горячей информацией. Может, и в этот раз удастся у неё чем-нибудь новеньким разжиться?

Сергей вышел из тёплого светлого вагона на грязный, заплёванный семечной шелухой перрон и огляделся по сторонам. Зимний колючий ветер тотчас кинул ему в лицо пригоршню снега пополам с угольной пылью и попытался стащить с плеч шубу. Сергей вытащил из кармана белоснежный платок, вытер лицо и тут же брезгливо выкинул испачканный кусок ткани в урну.

За ним должны были прислать служебный автомобиль с шофёром из местного отделения милиции. Пока никого похожего видно не было. Сергей натянул на руки замшевые перчатки цвета тёмного шоколада и недовольно поморщился.

Всё-таки провинция есть провинция. По всему видно – бардак у здешних милиционеров первокласснейший. Конечно, он мог понять, полная неожиданность для них, и всё такое, но, если было сказано прислать автомобиль к определённому часу, будь любезен – всё в точности исполнить.

Необязательность местных коллег слегка раздосадовала, но испортить настроения всё-таки не смогла. Как и грязный, обшарпанный вокзал и взвесь странной пыли в воздухе, пахнущем почему-то рогожей.

Потому что предвкушал Сергей найти в N-ске нечто особенное. Потому как привело его сюда не просто кровавое преступление, расследовал он таких на своём веку не одно. Надо сказать – успешно расследовал.

Дело его ждало очень вкусное! Даже в столице таких не так уж и много встречалось. Джек не Джек, а весьма монструозный убийца. Сергей спрятал довольную улыбку за лёгким покашливанием. Всё же надо лицо держать. Не дело, если кто увидит, как московский специалист лыбится как гимназист какой.

Да и дополнительный белый камушек на его чашу весов точно лишним не будет. Слишком много у него явных и тайных недоброжелателей. В этом нет ничего удивительного. Он ведь ещё очень молод для следователя по особо важным делам. Этой весной тридцать три года исполнилось. Мальчишка по сравнению с мастодонтами следственного отдела Прокуратуры. А раскрытие такого звучного дела – хорошее подспорье для амбициозного и гениального сыщика. А то многие косились на молодого выскочку, считали, что не по делам его продвигают, что есть у него «мохнатая рука», а может, и не только рука. Подозревали в связях с жёнами «больших людей», а то и с самими «большими людьми».

Но в глубине души Сергей отдавал себе отчёт: все эти доводы – это лишь предлог. Настоящей причины, почему он сорвался в N-ск, буквально выпросив себе это дело, он и сам толком не знал. Что-то смутное и непонятное тянуло его сюда. Словно тихий голос сквозь пелену тумана звал неизвестно куда и зачем.

Сергей ещё раз оглянулся и поднял меховой воротник бобровой шубы, зарывшись носом в светлое мягкое кашне.

– Товарищ следователь! Товарищ московский следователь!

Сергей облегчённо вздохнул и повернулся на голос. Кажется, за ним наконец-то приехали. Но спешащий к нему гражданин мало походил на сотруدنника милиции. Сергей цепко

оглядел гражданина с ног до головы и в несколько секунд понял, кто перед ним. Пальто – с претензией – выдавало творческую личность, но не поэта. Нос красный – много времени проводит на улице. Быстрые бойкие глаза могли принадлежать жулику, но откуда тогда ему знать, что Сергей московский следователь? Да и взгляд для шпаны слишком уж умом светится. Вывод – молодой человек служит в газете, да ещё и знакомые наверняка или в милиции есть, или в прокуратуре. Значит, не просто бойкий, но и предприимчивый.

Сергей свёл к переносице белёсые брови и демонстративно нахмурился.

– Вы ко мне обращаетесь, гражданин? – Он окинул худощавого чернявого парня с ног до головы холодным взглядом. Тот был чем-то похож на цыгана. Или итальянца. Впрочем, тут большой разницы Сергей не видел.

– К вам! Вы ведь прибыли из Москвы в помощь нашему УГРО? – Цыганистый паренёк подобрался к Сергею вплотную и действительно выхватил из кармана потрёпанный блокнот и карандаш. Значит, точно – журналист.

Сергей похвалил мысленно сам себя за наблюдательность – ничего сложного, но приятно лишний раз осознать свои дедуктивные способности.

Холодный приём нисколько не смутил парня, он белозубо улыбнулся, шмыгнул простуженным носом и немного гнусаво затараторил задорной скороговоркой:

– Александр Тролев, репортёр из местного губернского издания «Красная правда N-ска», веду колонку криминальных новостей. И помогаю строить светлое настоящее!

Сергей невольно улыбнулся. Этот Александр Тролев был слишком улыбочив и приветлив на грани навязчивости, но, как ни странно, Сергея чем-то зацепил. Наверное, своей незамутненностью и провинциальной беспардонностью. Впрочем, газетчики везде одинаковые, что в столице, что в уездном городке. Но было что-то в Тролеве такое... цельное, что ли. И ещё он цитировал Жарко Петана, а это дорогого стоило.

– Сергей Алексеевич! Простите, припозднился! – С другого конца привокзальной площади к ним подбежал запыхавшийся и шумно отдувающийся мужчина средних лет с большими, на манер запорожских, усами. Он вытер вспотевшее лицо и сердито шикнул на репортёра: – А ты уже здесь! Кыш, воронье!

Потом подхватил кожаный заграничный саквояж Сергея и заспешил к выходу с перрона, объясняя на ходу приезжему сыщику:

– Санька этот хуже купороса! Степан Матвеевич велит гнать его взащей.

На обидные слова Александр осуждающе шмыгнул, но тут же снова сверкнул обаятельнейшей улыбкой:

– Не ругайся, Антоныч! Мог бы по старой памяти и подвезти.

От возмущения беспрецедентной наглостью газетчика запорожские усы милиционера встали дыбом, он набрал в рот воздуха, но Тролев уже махнул рукой и задорно подмигнул Сергею.

Да, парнишка был забавный. Может, и пригодится Сергею зачем. Он стянул с руки перчатку и протянул раскрытую ладонь газетчику:

– Ну, до свидания, Александр!

Тролев руку пожал с удовольствием и лукаво улыбнулся:

– До свидания, Сергей Алексеевич! До завтра!

Глава 2

Куцый ноябрьский день закончился, словно и не начинался. Солнце выглянуло на полчаса ранним утром и тут же спряталось за грязные, пахнущие льняной пылью, тучи. Можно сказать, что утренние сумерки плавно перетекли в вечерние, а затем на город просто упала мглистая ночь. Со всеми прелестями поздней осени: дневную слякоть к вечеру прихватило морозом, а потом сверху ещё и колючим крупчатым снежком припорошило. Ужас дворников во всей красе.

Настроение людей было под стать погоде. Невыспавшиеся и хмурые оперативники заходили в кабинет, зябко передёргивали плечами, здоровались друг с другом и Денисом за руку и усаживались поближе к чугунным батареям.

Кто-то, Денис не заметил кто, закрыл хлопающую на ветру форточку, но кабинет настолько пропах табачным дымом и несвежими окурками, что её пришлось открыть обратно.

Денис понимал, что своими папиросами создаёт неудобства группе, тем более никто, кроме него, не курил. Но поделаться ничего не мог. Без верной «Комсомолки» и крепкого чая – он не человек. Спасибо ребятам, они беззлобно ворчали на своего начальника, но терпели сквозняк и клубы дыма в кабинете с высокими, гулкими потолками.

В искупление вины Денис по утрам всех поил чаем с сушками. Их он покупал в запас, сразу на неделю, так что к пятнице они становились твердокаменными, но всё равно оставались вкусными. Сегодня был вторник, сушки были ещё совсем мягкими, и Митька, самый младший из всей опергруппы, закинул в рот сразу две штуки, даже не дождавшись кипятка. Денис усмехнулся: молодой, вечно голодный, с крепкими желтоватыми зубами, Митька молотил всё, что не приколочено.

Не успели они разлить подоспевший кипяток по кружкам, разбавляя смоляной чёрный чай, остро пахнущий железом, сеном и – почему-то – солнцем, как на столе Дениса надсадно заверещал телефон. Все на мгновение замерли, даже Митька перестал хрумкать сушками, и тревожно переглянулись.

Последние дни ранние звонки означали только одно. Проклятый убивец, которого досужие газетчики окрестили Потрошителем, опять вышел на дело. Где-то под левой лопаткой заныло старое, ещё с Гражданской войны, ранение. Денис тяжело вздохнул и снял трубку. Молча выслушал, лишь в конце отрывисто бросив невидимому собеседнику:

– Понял. Есть.

С секунду смотрел на чёрный аппарат, хмурил рыжие брови, а потом так же коротко скомандовал:

– По коням! У нас труп. Обстоятельства расскажу по дороге.

И очередной мрачный и безрадостный день тяжело заворочал своими жерновами. В грязную, заплёванную шелухой подворотню они прибыли через полчаса. Денис молча обошёл тело вокруг, присел на корточки, внимательно вглядываясь в затоптанный десятками ног снег. Нет, ничего не было. Ни следов, ни окурков. Злодею явно везло. Мокрый снег и ветер отлично уничтожили все возможные улики.

Денис ещё раз оглядел жертву. Светлое пальто, уже насквозь пропитавшееся грязной водой, и кожаная сумочка с позолоченными ручками. Денис не разбирался в женской моде, но, судя по виду, сумочка была совсем новая, от неё даже слабо тянуло запахом краски и кожи. Стоило в Торгсине узнать, не у них ли куплена сумка. И если у них (а больше и негде), то когда и кем. Чулки порвались, сквозь дыры просматривались ссадины на коленях. Гражданка явно несколько раз падала. Вон и тонкие гипюровые перчатки тоже пострадали. Чуть поодаль, припорошённый снегом, алел шёлковый шарфик жертвы. Даже издали было видно – на шарфе

бурели засохшие пятна крови. Денис проследил, как криминалист упаковывает улики в бумажные пакеты, и поднялся на ноги.

– Алевтина Матросова, в машинном бюро служила. – Сзади неслышно подошёл Петрович.

Денис через плечо глянул на него и молча кивнул.

Александр Петрович был самый дельный из всей их группы. И самый возрастной. Он начинал служить ещё при царском режиме, но происхождения был почти пролетарского. Сын заводского рабочего, выбившегося в мастера. Отец постарался дать какое-никакое образование сыну, а тот оказался настолько хватким, что закончил не только народную школу, где получал стипендию в пять рублей, чем неизменно гордился и о чём с удовольствием рассказывал, но и реальное училище. Парень он был высокий, видный, с отменным здоровьем, почему и был принят в школу полицейской стражи, которую с блеском закончил, и был определён в сыскное отделение. Советскую власть принял сразу и безоговорочно, как долгожданную и любимую невесту. И Советская власть отплатила ему тем же. Во всяком случае, ещё ни при одной чистке, проходившей в отделении, Петрович не пострадал. Даже известный всему городу и области начальник четвёртого отдела НКВД Никифоров Климент Андреевич уважительно здоровался с Петровичем за руку, обязательно перекидываясь парой фраз при встрече. Петровичу Денис доверял как себе. А иногда даже больше.

Денис давно заметил: на месте преступления надо на несколько минут отвлечься, подумать о чём-нибудь, совсем не относящемся к делу, тогда в девяносто случаях из ста в голову может прийти внезапная, но дельная мысль.

Он замер и прищурился. В голове тихонько и сначала очень робко шевельнулась смутная догадка. Надо было сосредоточиться и понять – что он только что увидел. Ведь что-то он увидел? Для него вдруг выключились все звуки, размытые краски серого ноябрьского дня, запахи, доносящиеся со всех сторон. Всё это вдруг перестало иметь значение. Только где-то в голове маленький, но уверенный клюв какой-то мысли долбил в скорлупу черепной коробки, пытаясь вырваться на свободу. Сейчас Денис сам себя чувствовал охотничьей собакой, сеттером, уловившим слабый запах дичи. Даже не самой дичи, а намёка на дичь, но стоило правильно уловить направление – и...

Денис прикрыл глаза и чутко потянул носом. И уже через мгновение, ещё сам не особо понимая, что делает, потянулся к сжатой в кулак руке жертвы. Разжал палец за пальцем зачехленную кисть и почти счастливо улыбнулся. На поцарапанной ладони лежала толстая серая нить, зацепившаяся за обломанный ноготь жертвы. Видимо, женщина хваталась руками за своего убийцу, тот оттолкнул её и сам не заметил, как оставил в руках своей жертвы кусочек своего пальто.

Это была первая настоящая улика, оставленная Потрошителем. А вот что можно будет вытянуть из этой ниточки, пока было не ясно.

Денис аккуратно сложил находку в бумажный пакетик, расстегнул тулуп и убрал в нагрудный карман гимнастёрки. Так оно надёжнее будет. Поближе к сердцу, так сказать. Он выпрямился, покрутил головой, разминая затёкшую шею, и удовлетворённо оглядел свою группу. Это была не победа, это был совсем крохотный шагок в её сторону, главное теперь – не свернуть с этой дороги, не заплутать в ответвлениях. Этот шаг дорогого стоил.

Денис цепко огляделся по сторонам, увидел только что вынырнувшего из подъезда Митьку и негромко спросил:

– Узнал что-нибудь?

Тот шмыгнул покрасневшим носом, мазнул по нему рукавом и довольно бодро отрапортовал:

– Денис Савельевич! Опросил я дворника и жильцов с первого этажа, ну, тех, кто не на службе сейчас. Никто ничего не видел.

Денис молча кивнул – ну, это уже как водится. Рутинка, чтоб её, специфика работы, как и пронизывающий снежный ветер в подворотне и промокший левый сапог, у которого опять отошла подошва.

Мысли словно бы разделились на два потока. В одном – сапожник, к которому всё никак недосуг сходить, и валенки, так и не полученные со склада, а ведь пора уже! Но в то же время Денис прикидывал план действий. Пока – примерный. В отделе, за столом, выверит все вновь полученные факты и накидает всё на бумаге. Надо бы ещё набело переписать в отчёт для начальства, но это – успеется.

Денис ссутулил плечи, ёжась от промозглого сырого воздуха, и махнул рукой, чтобы труп забирали.

Повернулся к группе.

– Так, Митька, ты тут ещё останься. Сходи в домоуправление, узнай про Матросову всё, что сможешь, а там и у людей рабочий день закончится, так ты походи ещё по квартирам. Может, кто и видел чего тут вчера вечером. Или слышал. Егор, – Денис кивнул невысокому плотному мужичку с быстрыми беспокойными глазами, – дуй к ней на службу, поспрашивай, куда она вчера собиралась. Свидание у неё там намечалось или к подружке собиралась заглянуть. Мы с Петровичем в отдел. Я попозже в морг загляну.

На последних словах Денис невольно поморщился. Была у него постыдная слабость, которую он старательно прятал и всячески с ней боролся. Хотя, чего скрывать, об этой слабости старшего уполномоченного Ожарова знали практически все. Друзья относились с пониманием, а недоброжелатели, которых у прямого и порой резкого на слова Ожарова было превеликое множество, посмеивались и злословили у него за спиной. Впрочем, некоторые и в глаза издевались. Вскрытие трупов он переносил с трудом. Хоть сам не раз в лицо смерти заглядывал, и на фронте, да и позже, работа в Угрозыске – это вам не мороженым торговать, но смотреть, как патологоанатом режет в мертвецкой бездыханное тело, Денис не мог. К горлу подкатывал противный кислый и склизкий комок, а перед глазами начинала колыхаться серая пелена. Он не очень-то понимал, что говорит ему патологоанатом, и толку от его посещений морга было немного. Но Денис скручивал себя в тугую узел и упорно ходил на вскрытия.

– Давай сам в отдел, а в морг я заеду. Вы меня по дороге и забросите. – Петрович даже не глядел на Дениса, будто и не знал о слабости старшего уполномоченного. – Есть у меня пара соображений, хочу лично убедиться.

Денис благодарно улыбнулся и с облегчением кивнул. Он ещё раз оглядел своих людей и зашагал к прижавшемуся к обочине старенькому «Форду». Здесь он уже ничего нового не увидит. Все улики, которые успели отвоевать у ноябрьской метели, криминалисты собрали и тщательно упаковали. Денис тоже увидел всё, что ему было нужно.

Обратно в отдел ехали молча. Петрович откинулся на сиденье, надвинул на самый нос кепку и, кажется, спал, несмотря на тряскую дорогу и рёв автомобиля. Сам Денис погрузился в размышления, пытаясь понять, как велика удача и будет ли толк от найденной сегодня улики. Нитка на первый взгляд была довольно обычная. Тёмно-серая, из кручёной шерсти. Мало ли таких пальто у граждан? Вот Денис такое сегодня утром уже видел... Тут «Форд» подбросило на особенно глубокой колдобине. Денис чуть не треснулся головой о переборку и крикнул водителю:

– Василий! Не дрова везёшь, аккуратнее там.

Мотор «Форда» недовольно хрюкнул, словно обижаясь за своего хозяина, а вот шофёр, белобрысый Васька, даже головы не повернул – весь его облик выражал неприкрытое презрение к непонимающим людям и вообще – пешеходам! Хотя скорость сбавил. Автомобиль поехал ровнее, но воспоминание, мелькнувшее было в мозгу, подёрнулось зыбкой плёнкой и ускользнуло куда-то на задворки разума.

Денис недовольно тряхнул головой, пытаясь вновь поймать волну вдохновения, но то ли от тряской дороги, то ли от резкого запаха бензина, или по какой другой причине, но кураж ушёл, оставив после себя кислотоватый привкус разочарования. Как похмелье после удачной вечеринки.

Подъехали они к конторе уже хорошо за полдень. Петровича высадили у морга. Денис счёл своим долгом всё же зайти в прозекторскую, но быстро ретировался, стоило ему глянуть на заляпанный фартук судебного медика.

Сразу в кабинет Денис не пошёл, заглянул к экспертам – лично передать найденную нитку. У них проторчал почти до окончания рабочего дня в надежде, что «вот прямо щас ему экспертизу и сделают». Но дежурный эксперт выставил его вон. Ворча под нос про технически отсталых, но настырных оперативников. Денис сделал себе мысленную пометку – завтра с утра сразу в лабораторию. Он с них с живых не слезет, никуда не денутся – экспертизу ему предоставят.

Денис шагал к кабинету, на ходу перебирая в голове факты и накидывая примерный план действий. Сейчас надо будет сесть за стол и записать всё. Схему составить. Оно очень помогает – не только в мыслях крутить, но и глазами на свои выводы и догадки посмотреть.

Не дойдя до двери всего пару шагов, Денис замер. Дверь в кабинет была приоткрыта, из-за неё выбивалась жёлтая полоска электрического света, кто-то шуршал бумагами, звякал ложкой в стакане.

Неужели Митька или Егор уже вернулись? Что-то слишком быстро... Лёгкое беспокойство тронуло его холодной противной лапой. Ждал его сюрприз, и явно – не из приятных. В голове пролетели неловкие шепотки по тёмным углам, смутные слухи, приходящие из столицы, и громкие, трескучие статьи в газетах.

Но его группа сейчас была неприкосновенна. Да и тот же Никифоров, не к ночи будь помянут, которого Денис встретил сегодня утром, был привычно деловит без всякой подоплёки. Хотя шестая жертва Потрошителя могла стать и последней каплей в чаше терпения высокого начальства.

Чекистов Денис не боялся, но пустые разговоры с ними были сейчас совсем не ко времени. А кто, кроме них, мог так беспардонно завалиться в кабинет старшего уполномоченного? Впрочем, чего гадать на кофейной гуще? Денис решительно толкнул дверь и шагнул за порог кабинета.

За его столом вольготно расположился какой-то туз в дорогом, явно заграничном костюме и даже с галстуком. На старый потёртый диван была небрежно брошена роскошная бобровая шуба, а сверху – ослепительно белое кашне и коричневые замшевые перчатки. У туза было породистое лицо с выражением вселенского пренебрежения ко всем и вся. На вид – не старше самого Дениса, но нарочитая вальяжность выдавала в нём большого начальника. Или даже очень большого. Или, возможно, вообще – Очень Большого. Во всяком случае, тот точно не сомневался в своей важности и необходимости миру. И в своём праве сидеть за столом Дениса.

Перед ним стоял стакан с чаем, на фарфоровом блюдечке, невесть откуда взявшемся в их кабинете, лежал тонко порезанный лимон, а в кокетливой ажурной вазочке, инородной на обшарпанном столе, как балерина в солдатской казарме, были щедро насыпаны румяные баранки с маком. Но не это поразило Дениса.

В кабинете тонко пахло цветами, словно кто-то набрызгал одеколону или вымыл пол с цветочным мылом. На подоконнике, отгёртом до блеска, сияла такая же чистая пепельница. А на самом окне висели – невиданное дело! – тонкие кремовые занавески. Денис оторопело похлопал на них глазами и перевёл взгляд на сидящего за столом человека.

Важный человек пил чай и что-то черкал остро отточенным карандашом в тетради, лежавшей перед ним на столе. Денис быстро метнулся взглядом к железному шкафу с делами,

стоящему в дальнем углу. Заперт. Это обстоятельство немного успокоило его. Кем бы ни был этот человек, но вскрывать сейф в кабинете старшего уполномоченного не стал. Или просто ещё не успел?

На скрип открывшейся двери незнакомец вскинул голову и, откинув со лба блондинистую прядь волос, цепко глянул на вошедшего. Денис на секунду оторопел: глаза у сидевшего за его родным столом были уж очень необыкновенные. Денис вообще большое значение придавал глазам, не зря же говорят, что они – зеркало души! Так что первым делом при знакомстве он старался поймать взгляд собеседника хотя бы на несколько секунд, но так, чтобы при этом не выглядеть странно или навязчиво. Не каждому понравится, если ему в лицо малознакомый мужик вперился. Особенно – другим мужикам. Женщины на его внимание реагировали по-другому, хотя в этом случае уже Денису не всегда нравилась их реакция.

Вот, например, у Митьки – взгляд открытый и шепутной. Это потому, что он ещё очень молодой и к жизни у него большой интерес, ко всем её проявлениям. Будь то труп нищего, найденный в подворотне, симпатичная барышня-телефонистка с коммутатора или служебный пёс Трезор.

У Егора – взгляд быстрый, беспокойный. Именно поэтому Денис не то чтобы Егору не доверял, но держался настороже. Потому что, хоть Егор и толковый парень, да и вообще, вроде неплохой мужик и товарищ, но непростой, ох непростой.

Петрович смотрел на мир устало и мудро. Как Николай Угодник со старой бабкиной иконы. Как будто знал что-то про Дениса такое, что и сам Денис за собой не подозревал. Знал, но не осуждал. Может, потому и не боялся Денис в далёком детстве, что бог его накажет, как грозила ему строгая бабка, потому что видел – не осуждает его Николай Угодник. И если что – заступится. И перед бабкой, и перед богом.

А вот что написано в глазах важного незнакомца, Денис не понял, не прочитал. Ну, наверное, во-первых, потому, что цвет глаз у того был уж очень необычный. Откуда-то из далёкого прошлого всплыло слово «аквамарин». Да ещё и с каким-то лиловым, а может, жёлтым всполохом внутри зрачка. А во-вторых, хоть и смотрел тот прямо в лицо Денису, а чувство такое, что шторкой занавесился: сам всё видел, а своё чужим не показывал.

Но глаза у незнакомца вдруг неожиданно потеплели, он довольно проворно выбрался из-за стола и шагнул навстречу Денису, протягивая раскрытую ладонь:

– Ожаров? Денис Савельевич? Разрешите представиться – Сергей Алексеевич Иванов. Следователь по важнейшим делам. Прибыл к вам из Москвы.

Денис машинально пожал протянутую руку, мельком отметив, что ладонь у незнакомца, который оказался не совсем тем, что подумалось Денису вначале, крепкая, с сильными пальцами и колючими чешуйками мозолей. По руке можно было сказать, что Иванов не привык в кабинетах отсиживаться и в руках умеет не только карандаш держать.

Но то, что этот Иванов из Москвы, тот самый важняк, не давало ему права вот так бесцеремонно вваливаться в их кабинет, усаживаться за стол Дениса, пить там чай с баранками. От мыслей про баранки в животе отчётливо и громко заурчало. Сразу вспомнилось, что он не ел с самого утра, да и утром успел только ветчины с куском ситника перехватить, остальное слопал вечно голодный Митька. Важный московский следователь урчанье явно услышал, и от этого на Дениса накатило раздражение, на несколько секунд напрочь отключившее инстинкт самосохранения.

– Документы ваши можно глянуть? – ржавым скрипучим голосом просипел Денис, равнодушно глядя Иванову в глаза.

Иванов вежливо улыбнулся, глаза на секунду стали почти прозрачными, а уголок губ насмешливо дёрнулся.

– Извините, товарищ Ожаров, конечно, вот, – и распахнул бордовое удостоверение прямо мёхонько напротив глаз Дениса.

Раздражение не пропало, напротив, оно противно ударило в затылок тупой болью, и Дениса понесло.

– А что это Прокуратура обычным уголовным делом вдруг заинтересовалась? У нас простое душегубство и никаких врагов народа. – Денис тут же прикусил себе язык, но было уже поздно. Слово-то не воробей. Всё-таки злость – плохой советчик.

Он исподлобья глянул на Иванова. Как отреагирует?

Иванов усмехнулся, и глаза опять полыхнули жёлтым отсветом. Прямо мистика какая-то!

– Ну как же обычное? Похлеще дела Комарова⁵ будет. Там – пьяница ради наживы убивал, а тут у вас за советскими гражданками кто-то охотится, режет их, как овец на бойне, да непременно, чтобы они в красных косынках были, как я слышал. Как там его ваши газетчики называли? Потрошитель? – голос следователя был спокоен и вежлив, но в нём отчётливо слышались назидательные ноты с лёгкой насмешкой. Это как родитель увещевает неразумного дитя не капризничать и ерунду не болтать.

Денис поморщился. Вот удружил ему Санёк Тролев так удружил. Писал бы и дальше про советскую милицию на страже светлого будущего – цены бы ему не было. А тут всем головная боль и геморрой разом.

Про Комарова Денис, конечно, знал. Он тогда только пришёл в розыск работать, и хоть N-ск далековато от столицы был, но и сюда долетели вести о страшном душегубе, порешившем ни много ни мало больше тридцати невинных человек ради копеечной выгоды. Но переводить бытовые убийства, пусть и такие необычные, в политическую плоскость ему ох как не хотелось. Сейчас этот Иванов начнёт рыть совсем не в том направлении, начнёт искать происки вредителей и врагов партии и народа среди бывших и чуждых. И ведь перевернёт всё по-своему. И найдёт нужные факты. Раскрутит трескучее политическое дело. Расстреляют по этому делу кого-нибудь из тех самых бывших или чуждых, а настоящий злодей уйдёт от закона, как угорь сквозь сети. И ведь ничего тут не поделаешь. Прокурор, мать его! Денис в бессилии скрипнул зубами, отвернулся в сторону и скучно спросил:

– И у вас уже есть какие-то предварительные мысли и соображения?

Иванов тонко улыбнулся и промолчал, давая понять, что если и есть у него соображения, то пока он их оставит при себе.

И тут, в самый неподходящий момент, в животе у Дениса снова забурчало. Иванов закашлялся, прикрыл рот рукой, старательно пряча улыбку. Потом шагнул к дивану, подхватил шубу и повернулся к Денису:

– Впрочем, о делах мы с вами ещё поговорить успеем. А пока, товарищ Ожаров, не скажете ли, где тут можно недорого пообедать, только так, чтобы совсем не отравиться.

Денис устало вздохнул и оглядел Иванова с ног до головы. Да, если бы не знал, что следователь из Москвы, то решил бы, что перед ним НЭПман, каким-то чудом не попавший под указ от одиннадцатого октября тридцать первого года за номером восемьсот сорок восемь⁶. Вряд ли ему будет по вкусу еда из милицейского буфета. Шёл бы в ведомственную столовую при Прокуратуре, там наверняка подают что-нибудь получше картофельных котлет с сизой перловкой.

– Я – в наш буфет. Желаете, товарищ следователь, идёмте со мной. Но насчёт «не отравиться» – не гарантирую. – Ожаров шагнул к двери, втайне надеясь, что Иванов за ним не пойдёт.

⁵ первый достоверный российский и советский серийный убийца, орудовавший в Москве в период 1921—1923 годов. Его жертвами стали как минимум 33 мужчины, однако он был обвинён только в 29 убийствах.

⁶ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 11 октября 1931 г. N 848 «Об организации и составе комитета цен при совете труда и обороны», который многие историки трактуют как полный запрет частной торговли и окончание НЭПа.

Надеждам его не суждено было сбыться. Иванов отравиться не побоялся и вышел из кабинета вслед за Денисом.

– Не успел я с вами на труп, служебная машина на вокзал опоздала, – Иванов заговорил так, словно продолжал прерванный разговор и не видел недовольной физиономии Ожарова, хотя и вправду не видеть – точно не мог.

Денис неопределённо хмыкнул. Понятное дело – знал. Доложили уже высокому начальству о новом трупе. Хорошо, хоть на место преступления важняк из Москвы не прилетел под ногами путаться.

Иванов, словно прочитав его мысли, спокойно продолжил:

– Решил вас в кабинете подождать, времени с вашего отъезда прошло много, тело, скорее всего, уже увезли в прозекторскую, могли разминуться. А вы уже со вскрытия?

Денис вспомнил острый запах железа, стоящий в морге, и его снова замутило. Вот ведь скотина! Надо было ему про прозекторскую не раньше и не позже вспомнить. Впрочем, Денис был сейчас так голоден, что аппетит ему испортить было просто невозможно.

– Я не был на вскрытии. – Денис зло глянул на Иванова и отвернулся.

Иванов не удивился, лишь опять скривил губы в этой своей всё понимающей улыбке.

– Новый подарок от Потрошителя? – никак не хотел униматься он и продолжал донимать Дениса расспросами. Как будто после еды поговорить нельзя.

Денис поморщился и недовольно буркнул:

– Потрошитель... Это Тролев, местный репортёр, вычитал, что был в Европе такой злодей. Для поэтичности и громкого словца так назвал. А я считаю – от этого один вред только делу. Наш злодей себя теперь кем-то особенным возомнил. И славы захотел, известности. Убивать чаще стал. И косынки эти... Я думаю, у первых жертв это просто совпадения были. А потом газетчики раздули, вот он и решил это своей визитной карточкой сделать.

Иванов насмешливо протянул:

– А что, в N-ске заведено писать статьи по нераскрытым делам? Тайна следствия и всё такое – не для ваших сотрудников? Честно говоря, я был сильно удивлён, когда узнал об этом.

Денис тяжело вздохнул. Это был большой вопрос.

– Распоряжение обкома. Хотя откуда подробности Тролев знает – непонятно. Видимо, кто из ребят проговорился. Он раньше у нас в отделении частый гость был. Статьи ко Дню милиции писал. Очерки иногда про сотрудников. С кем-то из наших даже приятельствовал. Он, если ему надо, без мыла в душу влезет.

– Странное решение обкома... – Иванов снова усмехнулся. – Но товарищам партийным работникам, конечно, виднее...

Денис покосился на следователя. А он не дурак, этот Иванов. Может, и сработаются. Но думать об этом на голодный желудок не хотелось.

В буфете первого уже не оказалось. Суровая Марь Ванна, не признающая ни чинов, ни авторитетов, но почему-то явно благоволящая к Ожарову, укоризненно покачала головой:

– Опять вы, Денис Савельевич, без горячего. И так светитесь уже насквозь. Чего чуток пораньше не пришли?

Она окинула Дениса жалостливым взглядом и грозно рыкнула Зиночке:

– Поддай гражданам оперативникам двойные макароны со шницелем. Да поживей поворачивайся.

И уже через пять минут на свежетытертом чистым полотенцем столе стояли две супные миски, доверху наполненные макаронами, щедро пересыпанными золотистым жареным луком, и мясная котлета, величиной с хороший лапоть. Денис только присвистнул: макароны с мясом – явно не из меню для всех. Он благодарно улыбнулся поварихе и уселся за стол, чувствуя, что сейчас захлебнётся голодной слюной, если немедленно не поест.

– Хм, неплохо вас тут кормят. – Иванов ловко накрутил на вилку макаронину. – А Тролев – это такой чернявый, вёрткий, с глазами карточного шулера?

Денис почему-то не удивился, только молча кивнул, с наслаждением жуя сочную котлету. Вот чего Иванову спокойно не естся? Он вообще может хоть немного помолчать? Хуже Тролева.

После вкусного обеда (или уже ужина?) на Дениса навалилась какая-то сытая усталость. Глаза слипались, а по телу разливалась ломотная истома. Говорить не хотелось, двигаться тоже. Он с трудом поднялся на ноги и, сдерживая рвущиеся наружу зевки, поплёлся за Ивановым в кабинет. Эх, сейчас бы прикорнуть на диване в кабинете бы немного, минут по шестьдесят на каждый глаз! Но не получится. Диван занят бобровой шубой, а хозяин этой шубы что-то упорно допытывается у самого Ожарова.

Денис встряхнул головой, отгоняя марево дрёмы, и с силой потёр виски. В сознание ворвался голос Иванова. Судя по вопросительным интонациям, он что-то спрашивал. Наверняка что-то по делу. Нужно сосредоточиться, а то как-то неловко получается. Опростоволочился старший уполномоченный N-ского угрозыска в первый же день работы со столичным следователем.

– Вы когда последний раз спали, товарищ Ожаров? – Иванов внимательно вглядывался в лицо Дениса.

– Спал. – Денис невероятным усилием воли, концентрируя все оставшиеся ресурсы, упрямо сжал губы и шагнул к металлическому шкафу. – Сейчас материалы дела покажу.

Иванов вздохнул, покачал головой и уселся за стол, притягивая к себе серые картонные папки, которые Денис аккуратно положил перед ним. Денис тоже вздохнул. Не стал бы он никому показывать дела, будь тот хоть трижды следователем из Москвы, если бы не личное распоряжение Малькова.

Он молча потянул из кармана неизменную пачку папирос, исподтишка наблюдая за следователем. Тот на табачный дым недовольно сморщился, но промолчал. Денис всё-таки уселся поближе к окну и снова распахнул форточку. Кремовые шторы надулись парусом и тут же обречённо опали, словно понимая всю свою неуместность и бесполезность в этом кабинете.

Денис ещё раз оглядел окна: стёкла были выкрашены до половины белой краской и нужды в шторах явно не было.

– А откуда тут эти занавески? – Денис даже не сразу понял, что сказал это вслух. Только когда Иванов мельком глянул в сторону окон и равнодушно пожал плечами.

– Не могу сказать. Когда я пришёл, они уже тут были.

Надо же, как начальство суетится. Денис усмехнулся и глубоко, с удовольствием затянулся папиросой.

Вскоре вернулся Митька, на секунду замер на пороге, рассматривая незнакомого человека, сидящего на месте его начальника, но потом зацепил глазом Ожарова и радостно улыбнулся. Протопал к своему столу, с размаху бухнулся на стул и с наслаждением вытянул ноги.

– Никто ничего не видел и не слышал. Гражданочка эта частенько поздно домой возвращалась. Соседи говорят – весёлая вообще девушка была, ухажёры менялись с космической скоростью.

Денис заметил удивление, мелькнувшее в глазах Иванова, и спрятал усмешку за лёгким покашливанием. Да, они тут тоже не лаптем щи хлебают. Не будет же он объяснять москвичу, что Митька зачитывался всякой фантастической лабудой типа «Аэлиты» Толстого и грезил революцией на Марсе.

Следом явился Егор. На службе подтвердили: Алевтина после трудового дня собиралась в ресторан с очередным кавалером, ходящим у неё в женихах, несмотря на наличие живой жены. Из ресторана жертва ушла раньше всех, из-за какой-то мелочи рассорившись с пере-

бравшим коньяка ухажёром. Сам ухажёр за потенциальной невестой не пошёл, гулял в шумной компании до самого закрытия ресторана.

Денис в задумчивости потёр пальцем переносицу.

– Ухажёр за Алевтиной не пошёл... А кто пошёл? Надо будет этого женишка к нам вызвать. И всю их честную компанию тоже. Может, кто-то что-то заметил. Может, кто-то что-то вспомнит.

Последним пришёл Петрович, усталый, но довольный. Он загадочно оглядел всех и сказал:

– Вот что, други... А Алевтина-то точно знала злодея.

Глава 3

Провинциальная безалаберность опозданием автомобиля на вокзал не закончилась. По дороге они попали в самый настоящий затор! Если бы кто другой рассказал подобный курьёз, Сергей бы принял это за не совсем удачный анекдот.

На одном из перекрёстков им попался конный обоз из нескольких подвод. Если судить по бороатым возницам, одетым в тулупы и телогрейки, и невысоким приземистым лошадам, шёл обоз откуда-то из ближайших деревень. Что произошло на том перекрёстке, Сергей не знал. Да и не особо пытался узнать, важен был сам факт – по каким-то причинам проехать они не могли.

Сергей чувствовал, как на него волнами накатывает раздражение. А через десять минут к раздражению прибавилась невозможная вонь, исходившая, судя по всему, от тех самых подвод.

Водитель виновато поглядывал на важного пассажира, усиленно прячущего нос в ворот шубы. Потом не выдержал и решил пояснить:

– Это лён-сырец везут на комбинат, – но наткнулся на такой яростный взгляд, что счёл за лучшее замолчать.

Через пятнадцать минут водитель, который до этого старательно не показывал своего всё усиливающегося волнения, не выдержал и вылез из-за руля. Хоть он и предусмотрительно захлопнул дверцу автомобиля то ли из заботы о тонком обонянии важного гостя, то ли для того, чтобы гость не слышал его экспрессивного диалога с извозчиками, но до Сергея отлично долетали и его слова, и тошнотворный запах проклятого льна-сырца.

– Твою ж мать! Вы какого хрена тут растележились! Если проезд не освободите, то сейчас вам помогут! Да так, что долго чесать будете! И не в N-ске, а где подальше.

Бородастые возницы оглядывались на бордового от крика строгого начальника (ну а кто ещё мог ехать в большой чёрной и блестящей машине?), хлестали почём зря бедных лошадок по седым от инея бокам и что-то бубнили в ответ неразборчивое.

Неизвестно, помогло ли вмешательство шофёра или, наоборот, ещё больше затормозило движение, но ещё минут через двадцать водитель вернулся на место и севшим от крика голосом доложил Сергею:

– Сейчас поедem.

Сергей кивнул, но ничего не ответил. Да и что тут скажешь? Вроде и не виноват никто, но ведь – бардак! И кто-то за него ответственен.

Поехали они только через несколько минут, в течение которых шофёр нервно барабанил по обтянутому кожей рулю.

Наконец он не выдержал и нерешительно спросил, явно пугаясь собственной смелости:

– Опаздываем мы сильно. Пётр Данилович велел вас в прокуратуру сначала везти. Но, может быть, вы кушать хотите? Там уже и обед накрыли.

Сергей высунул на секунду нос из воротника, принялся и немного успокоился – вонючей рогожей больше не несло, но раздражение никуда не делось. Отрываться на рядовом сотруднике было глупо, хоть тот и опоздал к поезду. Поэтому Сергей предельно вежливо, но безапелляционно ответил:

– Сразу в УГРО.

– Но... – начал было водитель, повернувшись к нему всем телом, и испуганно замолчал, снова споткнувшись о взгляд важного гостя из Москвы.

Сергей повторил чётко и внятно, не повышая голоса и на полтона:

– В отделение.

С одной стороны – это было нарушение субординации, всё-таки он следователь Прокуратуры и должен был сначала представиться прокурору города, а уж тот приготовил бы для него

оперативное сопровождение, но в его нагрудном кармане лежала свёрнутая бумага, подтверждающая его особые полномочия, благодаря которой Сергей мог и пренебречь некоторыми условностями.

Подъехав к зданию центрального отделения милиции N-ска, Сергей, уже открыв дверцу автомобиля, вежливо, но сухо бросил водителю:

– Товарищ, отвезите мои вещи в гостиницу, я тут надолго.

В отделении приезд следователя из Москвы произвёл небольшой фурор и лёгкую панику. Судя по всему, его ждали не так скоро. Ну, ничего страшного, пусть привыкают к неожиданным решениям следователя Иванова. Тем более, он точно имел на это право.

Дежурный милиционер, парень с веснушчатым деревенским лицом, от неожиданности бросился сам его провожать до кабинета начальника, оставив дежурку и звонящие наперебой телефоны.

Мальков Степан Матвеевич, начальник отделения милиции, Сергею понравился. Основательный такой и, по всему виду, умный и рассудительный, несмотря на некоторое вполне объяснимое замешательство, от которого он, впрочем, очень быстро оправился.

– Здравствуйте! – Мальков широко улыбнулся и крепко пожал Сергею руку. – Располагайтесь, сейчас я распорядюсь, вам чаю принесут. Вы обедали?

Сергей невольно улыбнулся: что же они все с почти восточным гостеприимством накормить его рвутся? Раздражение последнего часа потихоньку отпускало, возвращались спокойная уверенность и рабочий настрой.

– Обедать – потом. Мне хотелось бы сначала поговорить с оперативниками.

– Так нет их, на выезде, – перестав улыбаться и потемнев лицом, сказал Степан Матвеевич. – Убийство у нас. Опять.

Сергей сделал охотничью стойку:

– Давно уехали?

– Да, почитай часа три уже...

Ехать на место преступления уже не было смысла, торчать в кабинете Малькова – тоже. Будет начальник отделения рядом маячить, мешать его мыслям.

– Значит, скоро будут. Если не возражаете, то я их подожду бы в кабинете Ожарова. Я ведь правильно знаю, что именно его группе поручено это дело? – Сергей убивал сразу двух зайцев, даже трёх.

Избавлялся сам и избавлял Малькова от необходимости вести светские пустые разговоры и получал возможность изучить место, где работали люди, с которыми ему предстояло вместе распутывать это дело.

Кабинет выглядел несколько странно. На окнах висели бежевые тонкие занавески, явно новые. Пол влажно поблёскивал, а столы удивляли своей чистотой. Но кое-где по углам он заметил клочки пыли. И пахло в кабинете одеколоном.

Сергей принялся: сквозь аромат сирени явно пробивался застарелый запах табачного дыма.

Всё ясно, обычно уборщица кабинет оперов убирала спустя рукава. Наверняка, чья-нибудь родственница или хорошая знакомая. А к приезду высокого начальства, видимо, старалась. Даже украсила, в меру своего понимания.

Он мельком глянул на начальника отделения. Тот смотрел на изящные шторы ошалевшим взглядом. Сергей усмехнулся – кажется, уборщице не миновать взбучки.

Мальков ещё раз оглядел кабинет и повернулся к Сергею:

– Дела вам из сейфа достать?

С материалами дела Сергей был в общих чертах знаком, да и настраивать против себя сотрудников не стоило.

– Не нужно. Вернётся товарищ Ожаров и поделится информацией. – Сергей заметил, как серые глаза начальника от этих слов потеплели. Кажется, Мальков устроил ему маленький экзамен и результатами остался доволен.

Не успел Сергей расположиться за одним из столов, как вокруг него начался следующий виток «танцев с бубнами».

Началось с того, что стоящий на столе телефон беспрестанно звонил. Телефонные трели мешали сосредоточиться, и Сергей уже подумывал, не воспользоваться ли предложением начальника отделения и перейти в его кабинет. Вот уж никак Сергей не мог предположить, что старший уполномоченный такой востребованный человек, что ему звонят в кабинет не переставая. Сергей нервно ходил по кабинету, выжидая окончания этой телефонной вакханалии.

Телефон наконец-то замолчал. Сергей перевёл дух, но тут же дверь в кабинет приоткрылась, и в неё просунулась конопатая физиономия дежурного милиционера:

– Товарищ следователь! Вам товарищ прокурор звонит, а вы трубку не берёте.

Сергей вздёрнул бровь. Прокурор, значит.

Сергей поднёс телефонную трубку к уху и услышал низкий, но звучный голос:

– Здравствуйте, товарищ Иванов!

– Здравствуйте, товарищ Молчалин.

– Жду-жду вас, Сергей Алексеевич, а вы, как мне доложили, уже в отделении. И ко мне не заехали. Непорядок...

Сергей усмехнулся. Что подумать могут другие – неизвестно, а вот ты, уважаемый Пётр Данилович, точно подумал, что под тебя копают. Но характер у прокурора явно был. На поклон к столичному следователю он не поехал. Это невольно внушало уважение. Да и пугать или ставить на место городского прокурора у Сергея намерения не было. Хотелось обозначить свои приоритеты, а не унижить уважаемого человека.

Поэтому Сергей спокойно, но с лёгкой досадой в голосе ответил:

– Так автомобиль не ко времени подали, Пётр Данилович, а у меня планы горят. Каждая минута на счету. Да и ваш сотрудник не доложил, что опергруппа на выезде.

Голос у прокурора смягчился, но заискивания не появилось – держал марку.

– Ну что же... С сотрудником разберёмся, а я надеюсь на плодотворную совместную работу, – пророкотал Молчалин, – мы со своей стороны мобилизуем все средства и ресурсы.

Сергей положил трубку, но на этом всё не закончилось. Как по мановению волшебной палочки, перед ним появился чайник с крепким душистым чаем, стакан в вычурном серебряном подстаканнике, блюдец с тонко нарезанным лимоном и изящная вазочка с баранками.

Наконец-то его оставили в покое. Сергей достал свой блокнот, взял один из остро отточенных карандашей из стаканчика на столе и приготовился подумать в тишине. И тут дверь в кабинет вновь открылась. Сергей мысленно чертыхнулся: эти губернские милиционеры его с ума сведут! Но на пороге стоял не Мальков и не дежурный милиционер, который замучил уже Сергея своей навязчивой заботой. На него насторожённо смотрел высокий рыжий мужчина с усталым лицом и цепкими умными глазами. Если ориентироваться на личное дело, которое Сергей изучил ещё в Москве, перед ним стоял хозяин кабинета Ожаров Денис Савельевич. Честно сказать, Сергей обрадовался ему как родному. Наконец-то закончилась bestолковая суэта, и можно сейчас будет настоящим делом заняться!

Правда, Ожаров его энтузиазма явно не разделял. Ну, Сергей его понимал. Приехал какой-то хрен из Москвы и в его дело лезет своими мохнатыми руками. Ну ничего, как-нибудь поладят, Ожаров – опер опытный и далеко не дурак. На открытый конфликт не пойдёт, а там, глядишь, и оценит деловые качества присланного следака. А они у Сергея были, как не быть? И в избытке.

А что лучше сближает, чем совместная трапеза? Сергей лишний раз порадовался, что не согласился на уговоры «перекусить» от прокурора. Тем более что поесть удалось довольно сносно, даже можно сказать – вкусно.

Ожаров к концу обеда не то чтобы потеплел к своему невольному союзнику, но, видимо, смирился с присутствием в своём кабинете чужака. Без разговоров вынул дела из несгораемого шкафа и изучать их не мешал. Только уселся у окна с вонючей папиросой. Сергей по этому поводу возмущаться не стал. Во-первых, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а во-вторых, какой он вони только сегодня не нанюхался! Папиросный дым в этом списке ещё не самое ужасное.

Рабочий день давно подошёл к концу, но Ожаров домой не торопился, словно ждал чего. И Сергей скоро понял, чего именно. По одному начали возвращаться оперативники. И ведь они точно знали – старший уполномоченный не уйдёт, пока их доклада не услышит.

Сергей занял стратегическую позицию, чтобы видеть всех, но самому оставаться в тени. Его задача сейчас была не отсвечивать, а смотреть и слушать.

В целом, оперативная группа, работающая по делу Потрошителя, Сергею понравилась. И подготовка агентов оказалась более чем удовлетворительной. Не отборные ищейки, конечно, но вполне себе рабочие псы с хорошим нюхом и крепкой хваткой.

Особенно заинтересовал Сергея пожилой степенный Александр Петрович, которого все звали только по отчеству. Явно из бывших сыскных. По всему видно – опытный сыщик. Сергей таких старых профессионалов нюхом чуял.

– Вот что, други... А Алевтина точно знала злодея...

Со своего места Сергей видел лица всех оперативников. И на этой фразе невольно улыбнулся. Потому что эффект был как в последней сцене «Ревизора»: на несколько секунд все замерли, словно переваривая услышанное, а потом резко задвигали стульями и заговорили все разом. Хотя когда Сергей присмотрелся, то понял – двигали стулья и говорили только Егор и Митька. Ожаров остался невозмутим и почти флегматичен.

Он неспешно достал очередную папиросину из мятой пачки, постучал ею по ногтю большого пальца, замысловато свернул мундштук, но не закурил, а быстро и цепко глянул на Петровича и негромко спросил:

– Почему так решил?

Петрович только и ждал вопроса своего начальника, совершенно не обращая внимания на нетерпеливые возгласы Митьки и Егора.

– Подпустила она его близко, не вырывалась, бежать не пыталась, лицо спокойное, – Петрович скрупулёзно перечислял факты, по которым сделал такой вывод, даже пальцы загибал, считая.

Ожаров сунул папиросину в рот, достал коробок спичек, но не прикурил.

– А как же коленки ободранные и ладони? И ногти обломанные, будто вырывалась?

– Коленки она ободрала раньше. Я, когда ещё в подворотне был, заметил, что на дорожке нитки от чулок ко льду примёрзли. Скользко – падала, пока шла. Торопилась сильно. Она в модных сапожках и гипюровых перчаточках была, а на улице-то по-зимнему зябко. А перчатки порвала, когда за стенку хваталась. – И пояснил на всякий случай: – перчатки все в штукатурке и побелке.

Сергей одобрительно кивнул, сделал пометку в блокноте и с интересом посмотрел на Ожарова. Что он скажет?

Ожаров пожевал мундштук незажжённой папиросы и вдруг повернулся к Митьке:

– Там, на первом этаже, второе крайнее окно, форточка была открыта. Ты там был?

Митька свёл на переносице тёмные брови:

– Был... Там водопроводчик живёт. Один, без семьи.

– Много курит? – Ожаров не сводил с Митьки взгляда, словно помогая ему вспомнить, что именно тот видел.

Митька от мучительных потуг вспомнить даже вспотел, но вдруг радостно улыбнулся и выпалил:

– Много! У него на шкафу махорка сушится! – И свободно выдохнул, гордо улыбаясь, явно довольный сам собою.

Ожаров одобрительно приподнял уголки губ.

– Вот и хорошо. Завтра ещё раз к нему сходишь. Если у него форточка и ночью была открыта, так он мог слышать, как Матросова домой возвращалась. Хотя... – Ожаров задумался на секунду и решительно сказал: – Вместе ходим.

Митька кивнул, не сводя горящих глаз со старшего уполномоченного.

Ожаров наконец-то прикурил папиросину и с наслаждением затянулся.

Сергей черкнул в своей тетрадке и снова задумчиво посмотрел на Ожарова. Сыщик всё больше и больше ему нравился. Ловко он Митьку заставил вспомнить. Не зря тот в рот ему глядит и, кажется, любого за него на клочки порвёт.

Петрович одобрительно хлопнул по плечу Митьку и деловито спросил Ожарова:

– А что с ниткой, Савельевич, что ты нашёл?

Сергей посмотрел на Петровича и тут же повернулся к Ожарову. Вот как, значит, есть улика. Ожаров ему не сказал. Не успел? Или специально скрывает?

Ожаров был по-прежнему спокоен и деловит. Или хорошо держал лицо, или действительно не собирался скрывать это обстоятельство от Сергея, просто ещё не успел рассказать. Хотя он и не должен ему докладывать, по большому счёту.

– Там не одна, там небольшой клочок ткани. Часть отдал Игнатьеву на экспертизу. Остальное – забрал. Надо подумать, что с ними делать. По-хорошему – показать бы специалисту по тканям. Я думаю, пусть Митька завтра в Торгсин смотается, наверняка там найдутся знающие люди. Помогут определить, от чего нитки. Пальто там или шарф. – Ожаров вынул из нагрудного кармана бумажный пакетик и аккуратно развернул на столе под яркой настольной лампой.

Опера повели себя по-разному. Петрович удовлетворённо кивнул, Митька благоговейно взирал на тёмно-серую потрёпанную нитку, как на ключ, сейчас же открывающий им все тайны мироздания, а Егор – скептически вздёрнул бровь.

Сергей тоже вместе со всеми склонился над желтоватым листом писчей бумаги, на котором лежала не просто нитка, если он не ошибался, то от пальто, – это было что-то большее. При желании можно было коснуться её кончиками пальцев и представить, что перед тобой он, Потрошитель. Вот уже почти видишь его силуэт. Пока затянутый туманом, но уже вполне осязаемый.

Сергей быстро глянул на оперативников. На него никто не обращал внимания, все были заняты только уликой – она была материальной частью преступника и поэтому по-настоящему интересна.

Он втянул ноздрями воздух, постаравшись сделать так, чтобы никто этого не заметил. От нитки шёл еле уловимый запах, чем-то знакомый, но чем?.. Он почти понял это, но... Химический аромат одеколона, которого явно не пожалели для мытья полов, перебил ту тонкую струйку, которую пытался уловить его чуткий нос.

Сергей чуть разочарованно вздохнул и открыл глаза. И совершенно неожиданно встретился взглядом с Ожаровым. Тот смотрел насторожённо, но с любопытством. Сергей распрямил спину и спокойно бросил, словно нитка его особо и не заинтересовала:

– Неплохая зацепка. Насчёт Торгсина – хорошая идея, может и сработать.

Расходились они уже после десяти часов вечера. Или, можно сказать, в одиннадцатом часу ночи. У Сергея была бронь на номер в местной гостинице, но до гостиницы нужно было

ещё добраться. А вот на чём – непонятно. Автомобиля, который привёз его сюда, нигде не наблюдалось.

Честно говоря, Сергей был удивлён: неужели его не дождались? Это был, что ни говори, моветон, выражаясь по старорежимному, а по-пролетарски – бардак на грани саботажа. Неужели прокурор города так мелко мстит?

Ожаров, ёжась от промозглого ветра, чуть севшим голосом предложил:

– Могу проводить до гостиницы. Извозчика ночью сложно найти, но можно дойти до площади, там они и ночью, бывает, стоят. Или на трамвае можно...

Сергей колебался. С одной стороны, ему хотелось поговорить с Ожаровым, вот так, в неформальной обстановке, на нейтральной территории, но с другой – старший уполномоченный еле на ногах стоит. На чистом упрямстве держится.

Но тут совершенно неожиданно в соседней подворотне вспыхнули два луча света. Автомобиль и его водитель ждали высокого гостя из столицы. Сергей удовлетворённо улыбнулся. Не такой уж и бардак в N-ске. Не безнадёжны местные товарищи.

– Может быть, вас довезти, Денис Савельевич? – Сергей почти силком усадил Ожарова в салон авто, а сам уселся на переднее сиденье.

На обратном пути Сергей велел остановиться за квартал до гостиницы. Хотелось пройти пешком, всё же голова побаливала от духоты кабинета и клубов табачного дыма.

– Товарищ, вы можете ехать домой, – великодушно махнул он рукой.

Водитель, уже не тот, что был утром, а молодой, подтянутый и с цепким взглядом опытного чекиста, который был замечен даже в полумраке салона автомобиля, спокойно ответил:

– Извините, Сергей Алексеевич, не положено.

Сергей пожал плечами, вылез из машины и, запахнув покрепче шубу, широко зашагал по улице, с удовольствием вдыхая колкий морозный воздух. К вечеру распогодилось, и высокое фиолетовое небо сверкало холодными далёкими звёздами.

Сергей поёжился – после салона автомобиля на ветру немного пробирал озноб, но это было даже приятно.

Авто ехало сзади, подсвечивая ему путь фарами, и Сергей почувствовал лёгкий укол стыда. Но тут же успокоил себя – у каждого своя работа и свой крест. У него совесть чиста, он пытался отпустить человека восвояси. Тот сам не захотел, то ли верный своему долгу, то ли дорожа своим местом. Ну, или головой.

Гостиница на первый взгляд Сергею понравилась. Уютный вестибюль, чисто и тепло. Конечно, не без современного советского ампира. Хрустальная многоярусная люстра, бордовые ковровые дорожки и гипсовые статуи советских Венер с веслом, с лёгкой руки Ромуальда Иодко⁷ повсеместно вошедшие в моду.

В гостинице водитель коротко кивнул администратору, и тот, подняв трубку телефона, вызвал дежурную по этажу. Та, судя по ровной спине и характерному выражению глаз, служила с его водителем в одном ведомстве. Впрочем, Сергея это не удивило. Не каждый день в N-ск приезжают люди его уровня. Так что гостиница, скорее всего, напичкана чекистами. Приятно, что тебя ценят и берегут, да и личный автомобиль с шофёром – это хорошо, но постоянно быть под колпаком у местных хозяев города ему не хотелось. Ну ничего, если ему понадобится, он легко скинет этот хвост. Не от таких уходил. Неожиданно вспомнилась сказка про колобка. Сергей усмехнулся: только бы не сожрали его в конце сказки, как румяную круглую булочку.

Номер оказался весьма неплох. С хорошей кроватью и огромной ванной. Ванна, скорее всего, осталась тут ещё со времён господ генералов. А вот краны и прочая сантехника – новенькие, поблёскивающие хромом и никелем.

⁷ советский скульптор, профессор, заслуженный художник РСФСР, автор знаменитой «Девушки с веслом».

Он наконец-то скинул ботинки на меху и с удовольствием пошевелил пальцами ног. Всё-таки какая ни была бы обувь удобная, но целый день в ней ходить – это мука мученическая. Покрутил краны: горячая вода в гостинице была. Если окажется, что в номере ни клопов, ни тараканов нет, то Сергей будет по-настоящему счастлив.

Сейчас бы ещё кофе с ломтиком хлеба, тонко намазанным сливочным маслом, но среди ночи его в советской гостинице точно не раздобудешь. Придётся терпеть до утра. И с горячей ванной он немного подождёт.

Сергей вынул из кофра несколько картонных папок и разложил их на столе. Тут были выписки из личных дел оперативной группы Ожарова. Сергей лично сделал их перед отъездом из Москвы. Тут же лежали и чёрно-белые фотографические снимки. Не слишком хорошего качества, но люди на них были узнаваемые.

Теперь следовало дополнить официальные сведения собственными наблюдениями.

По большому счёту Сергей был приятно удивлён. Квалификация у группы оказалась выше ожидаемой. Да и сам старший оперуполномоченный порадовал.

Сергей открыл первую папку и открыл колпачок у «паркера».

Ожаров. Денис Савельевич. Не зря ему доверили почти безнадёжное дело. Раскрываемость у его группы почти сто процентов. А это – небывалый результат. Даже – уникальный случай. Умный, внимательный, можно сказать – въедливый. Вон, нитку в зажатом кулаке обнаружил. Умеет руководить. Без приказов и крика. Люди его понимают не то что с полуслова – с полувзгляда. Предан службе до самоотречения. В буквальном смысле слова – живёт в отделении. Сергей заметил аккуратно свёрнутое одеяло в шкафу. Явно Ожаров часто ночует в кабинете. Несмотря на это, по-военному опрятен и подтянут. Не женат, но судя по всему – не монах. И очень много курит. Это пока единственное, что не устраивало Сергея в Ожарове.

Александр Петрович Фадеев. Петрович. Из старой гвардии. Звёзд с неба не ловит, но хватка у него как у французского бульдога. Ему главное – направление задать. И он землю рыть будет, пока не нарёт то самое зерно в куче мусора. Есть семья, крепкая ячейка общества. Это видно по аккуратным латкам на одежде и чистой выглаженной косоворотке. За Ожаровым пойдёт в огонь и в воду. Надёжный тыл и крепкая опора. Ожаров и другие оперативники Петровича по-настоящему уважают и прислушиваются к его мнению.

Егор Владимирович Панин. Самый непонятный тип во всей группе. Интуитивно Сергей испытывал к нему не то чтобы неприязнь, а какую-то насторожённость. А доверять своей интуиции он привык, ни разу ещё не подводила.

Панин далеко не дурак. В милицию попал от станка, в тридцать втором году, когда начались масштабные чистки. А у Егора – безупречная биография. Пролетарий в седьмом колене, можно сказать. Окончил курсы, в уголовный розыск попросился сам. Ожарова уважает, Петровича скорее терпит, даже будто немного завидует его авторитету. Не женат, но женщина постоянная есть. Одевается чисто и добротнo. Предпочитает больше слушать, чем говорить. Но исполнительен и расторопен.

Дмитрий Иванович Мартов. Митька. И тут Сергей даже улыбнулся, вспомнив этого мальчишку. Вот язык не поворачивался называть его иначе. Митька и есть. Самый молодой из всей группы. Двадцать лет, окончил Школу рабочей молодёжи. Заочно учится на рабфаке. Воспитывался в детском доме. Кто и где его родители – неизвестно. Ожарова воспринимает как непререкаемый авторитет. Шустрый, бойкий умом. Перспективный, одним словом.

Сергей задумчиво побарабанил по столу пальцами. И подвинул к себе ещё одну папку, лежащую несколько отдельно.

Тролев. Когда Сергей собирался в N-ск, он уже успел прочитать статьи этого бойкого газетчика. В библиотеке при прокуратуре можно было раздобыть периодическое издание практически любого населённого пункта из любого региона. А уж N-ска и подавно. Он ведь не на окраине Союза находится, а всего в каких-то трёхстах вёрстах от Москвы. N-ские газеты

поступали всего с однодневной задержкой. Так что Сергей успел оценить всю остроту пера Тролева. Только вот фотографического снимка в деле не было. Поэтому и не узнал его Сергей на вокзале. Ну что же, это даже хорошо, что Тролев сам изъявил желание познакомиться, не надо искать предлог, вызывать официально в отделение. Потому что субъект и его довольно талантливые статьи заинтересовали Сергея, и очень.

Сергей захлопнул блокнот и откинулся на спинку стула. Насыщенный был день. И усталость всё больше давала о себе знать. Но, несмотря на гудящие ноги и тяжёлую голову, Сергей был очень доволен. И днём, и новыми знакомыми. Что ни говори, а результативно он провёл свои первые сутки в N-ске. Можно гордиться собой.

И ещё... Он был твёрдо уверен – Потрошитель знает о его приезде. Наверняка польщён вниманием следователя из столицы и ещё проявит себя. В этом можно было быть уверенным. А уж как рад Сергей, что ему в руки попало это дело, и сказать нельзя. Засиделся он в Москве, заскучал без настоящего дела.

Ну, хватит. Погордился – и хорош. Надо принять горячую ванну, чтобы лучше заснуть. Потому что завтра он должен быть бодр и свеж. И полон сил.

Он оказался прав, горячая вода помогла расслабиться, и Сергей еле добрёл до кровати. Упал на матрас, мимоходом отметив, что постель в гостинице довольно удобная и постельное бельё пахнет свежестью и даже немного хрустит, – наверное, ему постелили новый комплект. И тут же провалился в сон.

Снилось ему далёкое-далёкое детство. Солнечный летний день. Жаркое марево и запах свежескошенного сена. Он лежит в траве, перед самым носом качается какой-то цветок, вроде ромашка, чуть дальше краснеет сладкая земляника. Вот бы ухватить её зубами, но тянуться за ягодой лень. Глаза моргают и закрываются.

Вроде бы хороший, мирный сон. Но Сергею почему-то тревожно. Не тому, мелкому, который там, в безмятежном прошлом, а Сергею сегодняшнему. Он откуда-то знает, что сейчас случится что-то страшное, непоправимое и неизбежное.

Вдруг налетел холодный ветер, стало жутко и темно. Запахло железом и порохом. Где-то совсем рядом закричала женщина. Мама?! Сергей заметался в испуге и вдруг почувствовал, как к страшному запаху примешивается ещё один, резкий, химический. Откуда-то смутно знакомый...

Сергей резко распахнул глаза и сел в кровати. Сквозь плотные гардины пробивался серебряный свет. Он встал с кровати, босиком протопал по холодному полу к окну и выглянул наружу. Ветер окончательно разогнал тучи, и стало видно, как в чёрном бархате неба сияет полная луна. Огромная и жёлтая, как головка швейцарского сыра.

Сергей и луна несколько секунд смотрели друг на друга сквозь пыльное стекло гостиничного окна. Потом Сергей задёрнул гардины так, чтобы не было ни единой щёлочки, и снова упал в кровать. До утра он спал без сновидений.

Глава 4

Санёк был расстроен. Да, он понимал, когда писал ту самую статью, что не всем она придётся по вкусу. Но не до такой же степени! Особенно он не понимал оперативников. Ну ладно начальство недовольно. Так оно вечно недовольно же! И милицейское, и редакционное. Ну, им по должности полагается быть осторожными. А вот что опера на него обидятся, если честно, Санёк не ожидал. Ведь нормальные же ребята. У них своя работа, у Санька – своя. Главное, что они все вместе делают одно дело. Спасают город от Потрошителя. И Санёк мог оказать им посильную помощь. Но в уголовном розыске почему-то не спешили её принимать.

Всё утро следующего дня Санёк старательно прибирался у себя в ящиках стола, выгребая оттуда горы ненужных записей в мусорную корзину. Потом подумал и половину измятых и исчерканных бумажек вернул обратно. Мало ли что из черновых записей может ему пригодиться в будущем. Аккуратнее после его манипуляций ни на столе, ни в ящиках не стало. Но в целом Санёк результатом своих раскопок остался доволен. Нашёл наброски старых статей, некоторые даже были довольно перспективными, но на данный момент совсем не актуальными. Конечно, лесорубы, решившие поддержать Стахановское движение и взявшиеся выполнить трёхгодичную норму заготовки леса за один год, тема очень многообещающая. Тем более там такой конфликт интересов намечался.

Некоторые, явно пробуржуазные чиновники из бывших, ссылались на какое-то мифическое лесоустройство, которое должно обеспечить непрерывное пользование лесами, пытаясь помешать прогрессивно настроенным рабочим. Даже инструкцию раскопали какую-то. Но тогда Санёк твёрдо решил не дать задуть бюрократам энтузиазм пролетарских масс. Впрочем, это пока подождёт. Сейчас есть более горячая тема, которая будоражит умы общественности и самого Санька. А самое главное – мешает советскому народу строить светлое будущее. Ведь какое завтра можно построить, если кто-то девчонок режет как овец?

Впрочем, внеплановая уборка рабочего стола была скорее предлогом. Втайне даже от самого себя Санёк надеялся, что московский следователь по важнейшим делам счёл его настолько интересным и нужным для следствия человеком, что непременно позвонит ему в редакцию.

Не позвонил. Санёк с трудом сдерживал разочарование. Но если подумать, то кто такой Санёк, чтобы ему звонили такие люди? Был бы он главредом... Хотя пользы от Санька побольше, чем от главреда, может быть!

Когда стрелки на редакционных часах почти сошлись на цифре двенадцать, а разногласный гул в просторной комнате, в которой стояло более десятка столов, достиг своего апогея, Санёк не выдержал. Сидеть на одном месте без дела для него было смерти подобно.

В общем, Санёк разумно решил, что если уголовный розыск не идёт к нему, то он сам к тому пойдёт. Ну, для начала перекусит в столовой, к которой приписаны редакции обеих городских газет.

Заглянув в светлый обеденный зал, Санёк совсем упал духом. Во-первых, тут было холодно. Круглые чёрные печи, стоящие с двух сторон, не успевали прогревать просторное помещение. Всё-таки сэкономило городское начальство на их журналистской братии. Во-вторых, пахло совсем неаппетитно: подгоревшим маслом и селёдкой. Ну а самое неприятное, что увидел Санёк, – за самым удобным столиком у самой печки сидел Илюха. Заклятый друг и соперник Санька. Репортёр из «Зари пролетариата». Тот жевал что-то непонятное и, судя по запаху и виду, не совсем съедобное и запивал ядовито-розовым киселём.

Санёк решил было уже ретироваться из столовки, в которую и сам не понял, зачем явился. Можно же у Зины пообедать. И вкуснее, и безопаснее. Но не тут-то было. Илюха поднял голову и радостно замахал, приглашая его за свой столик.

На душе у Санька стало совсем муторно и беспокожно. Ничего хорошего радостная физиономия Илюхи не предвещала.

Не успел он плюхнуться на отполированную сотней задниц деревянную скамью, как Илюха заговорщицки спросил:

– Статью-то про Альку Матросову уже написал? Ты же знал её вроде? И клинья к ней подбивал? Шуры-муры, чтоб не дошли ваши куры...

Илюха подмигнул и маслено заулыбался.

Санёк с трудом сдержался, чтобы не сморщиться. Шутки у Илюхи всегда были идиотские. Да и, по чести сказать, шуры-муры с Алькой у них не случились. Не то чтобы это сильно его задело, но лёгкая обида в душе осталась. Поэтому Санёк слегка скривился и чуть было не спросил, что случилось с Алькой Матросовой, но в последний момент укусил себя за язык. Раз Илюха спрашивает, то это точно неспроста. Что-то Санёк пропустил... И явно – интересное. Он напустил на себя важный и таинственный вид, чуть улыбнулся, буркнул Илюхе что-то неопределённое и поспешно смылся из столовки, чтобы тот случайно не заподозрил чего. Вот будет новость, если выяснится, что ведущий криминальной колонки «Правды N-ска» не в курсе последних новостей.

Поминутно оскальзываясь на обледенелом тротуаре, Санёк припустил в Центральное отделение милиции, ругая себя последними словами: просидел у телефона без толку, прождал у моря погоды, а в газетном деле так нельзя. Чуть отвлёкся – и тебя лихо обошли на повороте более расторопные коллеги.

На деле всё оказалось ещё хуже, чем предполагал Санёк. Пропустил он важное даже не сегодня, а ещё вчера. Пока за следователем из Москвы гонялся. Как только он отбыл на вокзал встречать товарища Иванова, Ожаров с группой выехали на труп. Той самой Альки Матросовой. И последней жертвы N-ского Потрошителя.

Санёк даже зашипел от злости. От злости на самого себя. Да, вчера он намерзся на вокзале и совсем расклеился. Поэтому вместо того, чтобы вернуться в отделение, позорно поехал на трамвае домой, где, как последний мещанин, ел ложками мёд и запивал его чаем из заваренной малины. А потом, вспомнил Санёк с омерзением собственные действия, парил ноги в горячей воде с горчицей. Как будто он не рупор советской власти, а мелкобуржуазный элемент. Как будто не он три года назад слушал, как молодая и симпатичная мотальщица из третьего цеха звенящим от волнения голосом читала на концерте, посвящённом Победе Октябрьской революции, очень правильное стихотворение: про кронштадтский лёд, сабельный поход и настоящую жизнь⁸! Ух, какое стихотворение! Мороз по коже и вперёд, только вперёд!

Ведь именно тогда он понял: писать про надои и опоросы – не его. Раз на фронт не попал, раз мировой революции пока нет, то он, Санёк, пойдёт на передний край мирной жизни. Будет помогать советской милиции с преступностью бороться.

А вчера рассиропился хуже девчонки. Подумаешь, сопли! Подумаешь, горло болит! Пацаны вон в гражданскую полками командовали, в штыковую атаку ходили! А он от глупого насморка такое событие пропустил. И ведь непонятно, где простудился-то! Впрочем, это сейчас уже и не важно.

В милицию его не пустили. Дежурный злорадно усмехнулся и припечатал:

– Не велено!

Санёк ещё покрутился у вертушки, выглядывая кого-нибудь из старых приятелей, которые, впрочем, сейчас от него воротили нос и делали вид, что не узнают. А ведь совсем недавно называли товарищем и жали руку...

Спустился Степан Матвеевич Мальков, начальник Центрального отделения города N-ска. Устало поглядел на Санька и укоризненно покачал головой:

⁸ Эдуард Багрицкий «Смерть пионерки».

– Эх, Тролев, Тролев... Хороший же парень!

Но внутрь всё равно не пустил. На него Санёк не обижался, хотя обидно было.

Он вышел на высокое крыльцо и задумчиво огляделся по сторонам. Дело выходило швах. Конечно, можно было подождать опергруппу или следователя Иванова тут, но Санёк опасался, что продует его на стылом ветру совсем и, как бы он ни храбрился, коварная простуда свалит его с ног окончательно. Следовало что-то решать незамедлительно.

Но долго впадать в отчаянье Санёк не умел. Унынье не для советского комсомольца. Лихо сдвинув кепку на затылок, Санёк решительно направился к чёрному входу в милицейский буфет и через пятнадцать минут уже сидел в служебном помещении над тарелкой наваристого борща, щедро приправленного жирной деревенской сметаной. Он с аппетитом поглощал обжигающе вкусный борщ и заодно выслушивал последние новости.

Вот зря многие женщин на технических работах недооценивают. Те видят и слышат гораздо больше, чем могут подумать сыщики. Тем более если эти женщины настолько милы и обаятельны, как Зиночка.

Санёк подозревал, что Зиночка даже не всегда представляет, насколько нужную информацию ему передаёт. Она просто рассказывала последние сплетни, кто с кем спит или кто с кем поссорился. А уж Санёк мог отделить шелуху от ядер. Вычленив главное из её щебетания.

Всё-таки умно он поступил, когда отдал предпочтение не такой молодой и красивой, как та же Алька, подавальщице из милицейского буфета. А Алька... Что Алька? В морге сейчас Алька. А Зиночка мало того что живая и тёплая, так ещё и вкусно кормит. Главное же, что она – неиссякаемый источник очень важной и ценной информации. А как сказал один немец (и среди заграничных империалистов есть умные люди), кто владеет информацией, тот владеет миром⁹.

Всё от той же Зиночки Санёк знал, что группы Ожарова, как и самого Ожарова, на месте нет. Разъехались да разбежались. И следователь из Москвы с ними же. Кто на место преступления, кто с жильцами по второму (или какому там кругу) беседовать, кто к последнему Алькиному кавалеру, а кто – в ресторан персонал расспрашивать.

Насчёт свидетелей и осмотра места преступления Санёк был пас. Тут, пожалуй, товарищи милиционеры-оперативники будут в своей стихии. А вот узнать, с кем последнее время Алька якшалась, помимо пузатого Сидорова из наркомата труда, – это Санёк мог. Как-никак в одной комсомольской ячейке они с ней состояли. Ему ребята как на духу всё расскажут, даже то, что от милиции бы скрыли.

Алька девушка хорошая была. Комсомолка, хоть иногда и были у неё буржуазные заскоки, типа модной сумочки или фильдеперсовых чулок. Но Санёк, например, к этим её увлечениям относился с пониманием, не осуждал. Потому как сам любил иногда форснуть заграничным пальто, да и не только. Но денег постоянно не хватало, имели они тенденцию быстро заканчиваться, или Санёк просто не умел правильно их тратить.

И мужчин Алька любила. Молодых, сильных, азартных, типа самого Санька. Поэтому и удивил его тогда Алькин отказ, поэтому и точил изнутри червячок обиды. Чем он Альке не угодил? Редко ему девчонки отказывали, а особенно такие, шепутные да весёлые. Что ни говори, а хороша была чертовка! Златокудрая, глазастая и смешливая. И прочие достоинства при ней были.

Так что точно Сидоров, который ни молодостью, ни силой не отличался, единственным её ухажером быть не мог. Точно не мог. Он у неё для других целей был. У пузатого Сидорова был пузатый кошелёк, в отличие от молодых и азартных. И много возможностей. Зина сказала, что

⁹ фразу приписывают Натану Ротшильду. Именно информация об исходе битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 года позволила семейству мгновенно несказанно разбогатеть. Вовремя полученная информация о поражении Наполеона помогла скупить за бесценок ценные бумаги, дезинформировав других на лондонской бирже.

в сумочке Альки чего только не было, даже лак для ногтей. Наверняка Сидоров через Торгсин ей такой редкий подарок достал.

Санёк довольно улыбнулся, шмыгнув носом (от горячего обеда из носа потекло сильнее, но Санёк твёрдо решил на такие бытовые мелочи больше внимания не обращать) и помчался в красный уголок при Дворце молодёжи N-ска, где обычно и собиралась их комсомольская ячейка. Только бы там хоть кто-нибудь на месте оказался! А то ищи их всех по городу.

Видимо, капризная, как все женщины, Фортуна наконец-то решила помочь советскому журналисту Александру Тролеву, и в красном уголке Санёк застал своих товарищей почти в полном составе. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Как минимум два фактора тут сошлись. Во-первых, по-зимнему холодный ноябрь. Поземка и пронизывающий ветер не способствовали прогулкам на свежем воздухе. А дома скучно сидеть, вот и шли ребята и девчата во Дворец молодёжи, где можно обменяться новостями, поговорить о книгах и фильмах, да и просто попеть песни или послушать стихи доморощенных поэтов. А во-вторых, новость о гибели Алевтины Матросовой, подобно лесному пожару по сухой траве, споро бежала по всему городу N-ску. Поэтому любопытные комсомольцы спешили туда, где скорее всего можно было узнать что-то новенькое о своей погибшей товарке. Поэтому и удивлялся Санёк, что в редакции «Правды N-ска» до самого обеда никто и не слышал о новой жертве Потрошителя.

– Хм, Санёк, а мы думали, ты нам чего-нибудь новенького про Альку расскажешь, – насмешливо смерил Санька взглядом его давнишний приятель со звучным именем Трибун и невзрачной прыщавой физиономией.

Санёк насмешку проглотил. Сейчас не время было цапаться с потенциальными источниками информации. Трибун, а на самом деле Васька Антонов, всегда завидовал бойкому и симпатичному товарищу и всячески пытался принизить его успехи и достоинства. Санёк, однако, насмешку проглотить-то проглотил, но и лицо сохранил.

– Я-то, может, чего и знаю, – он таинственно улыбнулся и подмигнул стайке девчат, которые с огромным интересом прислушивались к их разговору, – да сказать не могу. Сами понимаете – тайна следствия.

То, что Санёк отлучён от уголовного розыска и тайна следствия для него такая же неизвестность, как и для остальных смертных, до комсомольской ячейки ещё, к счастью, не дошло. Поэтому товарищи уважительно поцокали языками и наперебой принялись вываливать на Санька все имеющиеся у них сведения.

Санёк слушал, запоминал, кое-что действительно стоящее внимания быстро записывал в блокнот.

Конечно, не всему, что рассказали ему парни и – особенно – девушки, можно было верить. Альку многие из них не любили. Гордая она была, временами – заносчивая. А главное – красивая очень и отлично это знала. И пользоваться этим умела. А такое женщины друг другу не прощают.

Вышел Санёк из Дворца молодежи, когда на улице уже смеркалось. Холодный ветер быстро пробрался под полы пальто, нос мгновенно заложило и опять запершило в горле. Но Санёк всего этого не замечал. На его губах играла довольная улыбка.

Если откинуть эмоции рассказчиков и отжать ненужную воду, то выходило следующее. Как и предполагал Санёк, у Алевтины Матросовой, помимо Сидорова, были ещё друзья-товарищи мужского пола, с которыми она общалась ну очень близко. Правда, последние пару недель почти все они отсыпались. Вернее, сама Алька их и отшила. Впрочем, сделала она это довольно легко и беззлобно. В этом у неё был особый талант. Могла она с кавалерами так расставаться, что те на ветреную красотку не то что зла не держали, но и оставались с ней в приятельских отношениях. Даже Санёк долго дуться на Альку не смог. Да и чего дуться-то? Мало, что ли, красивых и доступных девчонок вокруг? На Санькин век хватит.

Так вот, отшила она почти всех. Остался какой-то ухажёр, которого она тщательно скрывала от своих товарищей по комсомольской ячейке.

Ребята и девчата наперебой и взахлёб строили самые разные предположения. Одно нелепей другого. Но вот одна из версий, высказанная всё тем же Трибуном, очень Санька заинтересовала.

Сказал тот, что видел Альку с Колькой Прониным. Санёк наострил уши. Колька Пронин пару лет назад поступил на рабфак, в футбол играл за сборную города. Санёк даже какую-то короткую статейку про него писал. Вот, мол, молодёжь наша и учиться успевает, и про спорт не забывает. А потом Колька пропал. Ну как пропал... Просто больше Саньку на глаза не попадался.

Трибун, понизив голос и страшно вращая глазами, рассказывал замершим от волнения девчонкам:

– Пронин-то не просто так рабфак бросил. Говорят, он с Богданом связался... В подручных у него ходит...

Богдана в N-ске знали все. Один из самых авторитетных воров и смотрящий за всей теневой жизнью города. И Санёк вдруг почувствовал, понял: вот она, ниточка! Вот зацепка! Потому что правду говорил Трибун, он же Васька Антонов.

Санёк ещё немного посидел с товарищами комсомольцами, напустил туману о расследовании, а потом, словно вспомнив о чём-то очень важном, поспешно поднялся и небрежно бросил восторженно смотрящим на него девчатам:

– Ладно, пойду я. А то сейчас оперативная группа в отдел вернётся, нам надо результаты работы за день обсудить. Нехорошо опаздывать, Ожаров этого не любит. Да и следователь из Москвы приехал, интересно послушать, что он об этом деле думает.

Трибун насмешливо фыркнул ему в спину, но проводил завистливым взглядом.

Санёк шёл по направлению к Центральному отделению милиции и насвистывал себе под нос так подходящий к случаю авиамарш. Да, скоро сказка станет былью. Он придёт к товарищу Ожарову не с пустыми руками. Не просителем новых фактов – он эти самые факты принесёт ему на блюдечке с голубой каёмочкой.

И Санёк шёл, и в голове у него проносились самые радужные мечты. Вот Ожаров жмёт ему руку и дружески хлопает по плечу, называя отличным парнем и своим товарищем, вот Степан Матвеевич строго выговаривает вредному дежурному, что тот зря не пускал уважаемого Александра Тролева в отделение милиции. А потом и вовсе привиделась замечательная картина: как он с товарищем Ивановым садится в скорый поезд N-ск – Москва и уезжает в столицу покорять новые горизонты. И едет с ними в одном купе Настя Окунева, стажёрка из прокуратуры, и смотрит она на Саньку своими необыкновенными сиреневыми глазами и улыбается так ласково...

Вдруг левая ступня Санька поехала по раскатанной ребятишками ледяной дорожке. Он нелепо взмахнул руками и с трудом удержался на ногах. Немного ошалело огляделся по сторонам и тяжело вздохнул. Мечты-мечты... Но шаг к их исполнению Санёк сегодня сделал. Главное, теперь не упасть. И фигурально в том числе. Санёк решительно поднял воротник пальто и бросился к трамвайной остановке. Если повезёт, то он действительно застанет опергруппу в отделении и переговорит с Ожаровым и Ивановым уже сегодня.

Глава 5

Следователь из Москвы раздражал Дениса. Причём раздражал – иррационально. Не заметить его высокий уровень было просто невозможно, вернее – непрофессионально. И Денис наступал на горло собственному самолюбию и вежливо слушал предложения и редкие, но точные замечания Иванова. Даже старался не возражать ему, ловя себя на мысли, что против доводов Иванова протестует не логика, а вредный дух противоречия, который скрипуче и надоедливо шептал Денису в самое ухо, что не бывает хороших следователей. А если и бывают, то не в этой жизни и не в этом отделении. А если всё же такое сказочное стечение обстоятельств случится, то это будет то редкое исключение, которое лишь подтвердит непреложное правило. И будет выглядеть такой сказочный герой совсем не так, как выглядит Иванов.

Когда-то, в далёком отрочестве, заставляли Дениса учить наизусть Пушкина, причём не короткие стишки вроде «Мороз и солнце; день чудесный!», а целого «Евгения Онегина». Поэма про избалованного барчука совсем не нравилась Дениске, но в памяти отложилась. И сейчас, глядя на Иванова, невольно всплывали строки: «...Как денди лондонский одет...».

А денди, или, если по-русски сказать, щёголь, не мог быть хорошим следователем. Да и удивительно: как этот Иванов вообще попал в органы? Он вообще не мог быть следователем, ни хорошим, ни плохим, – явно же из бывших, и рожа, и повадки. А уж одевается... Будто и не тридцать пятый год на дворе, а какой-нибудь там девятьсот первый. Будто и не было революции, и служит он не в советской прокуратуре, а в самой что ни на есть царской жандармерии. Откуда у советского следователя белый шарф, бобровая шуба и холёная высокомерная физиономия? И уж точно рабочая лошадка или, вернее про следователя сказать, ищейка не пробьётся на самый верх следственной иерархии. Следователь из Москвы, да ещё – следователь по важнейшим делам... Да в тридцать с небольшим... Это вообще уже перебор по всем статьям.

На следующий день после убийства Алевтины Матросовой они разъехались в разные стороны. Денис, прихватив с собой Петровича, двинулся к тому самому водопроводчику, Митьку отправили в Торгсин, там нашёлся специалист, который брался по одной нитке определить не только вещь, из которой та нитка была вырвана, но даже и фасон. А вот Иванов и напросившийся с ним Егор отправились к тому самому Сидорову, с которым отдыхала и ужинала в ресторане потерпевшая Матросова.

Такую диспозицию практически и предложил Иванов, дипломатично добавив: «Если товарищ Ожаров не возражает».

Товарищ Ожаров скрипнул зубами от еле сдерживаемого раздражения, но был вынужден признать: это логично и целесообразно. И почти полностью совпадало с его решением, за тем исключением, что с Сидоровым он тоже намеревался сам побеседовать. Но мысленно представив, кто из них двоих, Денис в его порыжевшем тулупе и застиранной офицерской гимнастёрке, купленной по случаю, или Иванов в хорошем заграничном костюме, произведёт на сотрудника наркомата наибольшее впечатление, неохотно и сухо кивнул. Плюс – не разорваться же самому Денису. Как говорится, за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.

Денису очень хотелось уточнить для Иванова список вопросов, которые следовало задать Сидорову, но он сдержался. Ну, во-первых, не тот человек Иванов, который бы подобные нравоучения выдержал, да и стоило соблюдать субординацию хотя бы при группе. А во-вторых, Денис тайно надеялся, что Иванов облажается. Это желание было не только не профессиональным, но и очень вредным. И Денис это понимал. И бесился от этого ещё больше.

Водопроводчика Денис и Петрович застали хоть и дома, но уже на пороге. В подвале дома прорвало трубы, и водопроводчик, хмуρο оглядев их с ног до головы, буркнул себе под нос:

– Некогда мне беседовать. Ежели дом без воды и тепла оставить – кто отвечать будет? Да и не видел я ничего, спал!

Денис успел только мельком оглядеть комнату и убедиться в том, что её окна прямиком выходят на подворотню, где и была убита Матросова. Спорить с потенциальным свидетелем Денис не стал, сейчас напирать на него – только делу вредить. Покладисто улыбнувшись, только спросил:

– А если мы за вами машину вечером пришлём, сможете в отделение приехать?

Петрович одобрительно крикнул. Понятное дело, что явится этот водопроводчик в отделение по повестке как миленький. Но проявить уважение к занятому человеку – это сделать огромный шаг к его доверию.

И действительно, лицо у водопроводчика неуловимо дрогнуло. Он даже чуть улыбнулся и уже гораздо приветливее ответил:

– Ну, ежели успею до темна управиться, то отчего бы и не приехать?

Денис вышел из подъезда и опять пожалел, что не поехал сам к Сидорову. Вот и время свободное образовалось. Хотя... Откуда у опера свободное время? Нет его и быть не может по определению. Есть же ещё ресторан, и нужно опросить официантов и швейцара. Если, конечно, сегодня работает та же смена, что и вчера. Хорошо, что есть сейчас у Дениса невиданная для оперативника роскошь – автомобиль в собственном распоряжении. Так что можно везде успеть и при этом не мёрзнуть, отмахивая километр за километром, носясь савраской из одного конца города в другой. И не трястись в насквозь промёрзшем вагоне трамвая.

Но день, как-то не задавшийся с самого начала, продолжал подкидывать мелкие, но неприятные сюрпризы. Смена у официантов была другая. А швейцар ничего вспомнить не смог. Вроде бы и видел, как приходила-уходила, но одна ли или, может, пошёл кто за ней – швейцар точно сказать не мог. Таких дамочек, как Алевтина, в тот вечер немало было. За каждой не углядишь!

Всю смену для дачи показаний Денис завтра, конечно, вызовет, но интуиция ему подсказывала, что в данном случае тянет он пустую карту.

Время было к обеду, в ресторане уже пахло свежей вкусной едой, и у них с Петровичем разыгрался аппетит. Так что поехали они в отделение, где в милицейском буфете можно было поесть, пусть не так изысканно, зато гораздо дешевле.

Митька из Торгсина ещё не вернулся, а вот Иванов с Егором уже были на месте.

Подходя к кабинету, Денис услышал, как обычно неразговорчивый и нелюдимый Егор что-то рассказывает следователю из Москвы. И не просто рассказывает, а даже смеётся.

В душе Дениса опять шевельнулось неприятное чувство. Что-то сродни ревности, что ли, или, вернее сказать, досады. Вот он, Денис, за столько времени, что работал с Егором, ни разу с ним по душам не говорил. Тот обычно молча выслушивал поручения, так же молча кивал и шёл выполнять. Точно так, как было поручено. Ничего не упуская из того, что ему велел Денис, но и не проявляя никакой инициативы.

подавив раздражение, Денис распахнул дверь резче, чем это стоило делать, быстрым взглядом окинул кабинет, кивнул, здороваясь, и спросил отрывисто, пряча за деловым тоном своё недовольство:

– В толк съездили? Рассказал что-нибудь стоящее Сидоров?

Смотрел Денис на Егора – ведь не со следователя по важнейшим делам ему результаты разговора требовать, верно? Но ответил ему именно Иванов:

– Думаю, да. Во всяком случае, ещё одна зацепочка появилась. Сидоров этот глубоко и плотно женат, разводиться не собирался. Он поначалу даже вздумал отпираться, мол, знать не знаю никакой Алевтины Матросовой. Но потом всё же разговорился.

«Ты кого хочешь поговоришь». Злость, глупая и мешающая работать, вновь прорывалась сквозь железный панцирь выдержки и воли, который Денис выращивал у себя не один год. Это было очень плохо. Нельзя позволять такой мелочи, как личное отношение к человеку, мешать

работе. Денис на несколько мгновений прикрыл глаза, а когда открыл – был вновь собран и спокоен.

Иванов продолжал невозмутимо рассказывать:

– Но самое интересное не это. Сидоров сказал, что Алевтина наша особой принципиальностью в выборе кавалеров не отличалась. И были у неё... как бы это точнее сказать... партнёры для интимных встреч, помимо самого Сидорова.

Денис даже папиросы отложил, которые уже по привычке достал из кармана.

– Вот оно как... И Сидорова это устраивало?

– А куда ему деваться? – Иванов пренебрежительно пожал плечами. – Алевтина была девушкой яркой и молодой, с его-то данными ему приходилось мириться с наличием если не соперников, то сратников.

Денис задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Может наклониться интересная версия, что её убил кто-то из кавалеров, более ревнивый или горячий, чем Сидоров. Или сам Сидоров организовал убийство, устав терпеть измены подруги.

Иванов кивнул.

– Теперь надо дождаться экспертизы. Если совпадения с остальными жертвами только внешние, то это, скорей всего, не наш случай.

Как ни цинично это звучало, но именно благодаря жестокости и беспрецедентности всех этих убийств все экспертизы группа Дениса получала небывало быстро. Вот и сейчас, когда Денис набрал телефон прозекторской, патологоанатом Бергер, привычно поворчав на торопыг-оперативников, коротко отчитался:

– Полное заключение получишь после обеда, не все ещё закончили, но, если судить по углу повреждения, по глубине и ширине раневого канала, могу с уверенностью сказать: орудие убийства то же, что и в предыдущих случаях. Повреждения прижизненные и нанесены с той же силой.

– Один и тот же человек? – Ожаров знал: если Бергера не остановить, он ему по телефону и про гистологию с микроскопией¹⁰ расскажет.

Бергер засмеялся:

– Предположения и гипотезы вы будете строить, а судебная медицина – наука точная. Говорю же, совпадает по всем основным параметрам. А уж что это значит – тебе решать.

Денис посмотрел на застывших в ожидании коллег и покачал головой:

– Или Потрошитель стал заказы брать, или Сидоров не имеет к убийству Алевтины никакого отношения. Но версию всё равно прорабатывать надо. Буду просить у Малькова людей. Иначе закопаемся напрочь.

Иванов снова понимающе покивал и в свою очередь спросил:

– Ну а вы с каким уловом?

Денис коротко рассказал об аварии в доме, где трудился их водопроводчик, и подытожил:

– Будем ждать, как аварию ликвидируют, и сюда привезём.

К счастью, долго ждать не пришлось. То ли авария была не такая серьёзная, то ли водопроводчик – настоящий мастер своего дела, или совпали оба эти фактора, но уже через час автомобиль, закреплённый за группой Ожарова, доставил возможного ценного свидетеля в отдел.

Настроение у водопроводчика опять поменялось, даже автомобиль не смог его смягчить. Оглядев присутствующих тяжёлым насторожённым взглядом из-под кустистых бровей, в ответ на расспросы Дениса и Петровича тот припечатал:

– Спал я. Не слышал ничего.

¹⁰ виды судебно медицинских экспертиз.

Петрович с Денисом переглянулись. Да, с этим свидетелем будет тяжело. Из тех он людей, кто по-житейски мудро считает: меньше говоришь, дольше живёшь. Знал Денис таких. Самые скверные из них свидетели. Будет ли толк – неизвестно.

Но тут молчавший до сих пор Иванов совершенно неожиданно улыбнулся водопроводчику и как-то очень по-свойски спросил:

– Иван Никифорович, а правда, что вы раньше в гостинице работали? Я сейчас там проживаю. Что там за бардак! Вода из кранов то тонкой струйкой течёт, не помыться толком, а то хлещет как оглашенная! Я слышал, при вас такого не было. И канализация была в порядке, пока вы ею занимались. Золотые у вас руки! А вот завистники выжили вас оттуда, говорят, из-за какой-то мелочи... А теперь там ужас и светопреставление творится! По-другому и не скажешь.

Водопроводчик вдруг встрепенулся и целых пять минут рассказывал, что есть глупые люди, не понимающие, что в чистке канализации главное – солидол!

– Оно ведь как, значаца... Оно ведь, дерьмо, простите уж, товарищи сыщики, за прямоу, к солидолу не липнет. И если трос, значаца, как следует им смазать, то смело можно работать и не бояться ничего! И сам не изгваздаешься, и отхожее место чистое будет.

Он поиграл бровями и припечатал:

– А краны регулировку любят. Иначе напора нет. Так, как котёнок ссыт, больше ничего!

Иванов, которого меньше всего можно было заподозрить в интересе к солидолу и содержимому нужника, кивал с озабоченным видом и даже начал задавать уточняющие вопросы с таким знанием дела, что Денис не удержался и негромко спросил:

– А вы, Сергей Алексеевич, откуда столько про дерьмо и канализацию знаете? Как заправский золотарь!

На что Иванов, усмехнувшись, ответил:

– Так одно дело с золотарями делаем. Стоки от засоров чистим!

А разговор с водопроводчиком закончился весьма продуктивно. Тот увлечённо, буквально в лицах, блестя глазами и возбуждённо жестикуюлируя, пересказывал, как «собачился» с управляющим гостиницы. Иванов только подбадривал его, изредка кидая заинтересованные фразы:

– А вы?.. А он?.. Неужели так и сказал?.. А он не из НЭПманов будет?.. Или из бывших?..

Водопроводчик с обожанием смотрел на следователя, который так хорошо разбирается в нужных и полезных вещах. Вот ведь как бывает, начальник вроде – а человек... А с первого взгляда и не скажешь.

В какой-то момент Иван Никифорович остановился, словно вспомнив что-то, недоумённо похлопал глазами, покрутил головой, словно сам себе не веря, и, хлопнув ладонью по колену, воскликнул:

– А Алька, зараза, ведь так в тот день материлась, стервец управляющий бы обзавидовался!

И добавил задумчиво:

– Даже я пару раз удивился.

Денис с Ивановым переглянулись и одновременно сделали движение в сторону водопроводчика. Денис хотел было что-то сказать, но вовремя остановился и только молча махнул рукой Иванову, мол, давай сам дальше! Ловко у тебя выходит.

– Так, значит, вы, Иван Никифорович, слышали, как Алька домой возвращалась. – Следователь Иванов сейчас меньше всего походил на того высокомерного хрена, которого Денис увидел у себя в кабинете в их первую встречу, сейчас это был доброжелательный и очень внимательный молодой человек, с уважением слушающий, что ему скажет умудрённый жизнью старший товарищ.

Водопроводчик хмыкнул насмешливо, словно это не он твердил поначалу: «Ничего не видел, ничего не слышал, ничего никому не скажу», и довольно протянул, удобнее усаживаясь на казённом стуле:

– Знамо дело, слышал. Навернулась она на своих козых копытцах. И так заругалась, значица, что я в окошко выглянул. Думал, может, переломала себе чего, помочь хотел...

И следователь, и старший уполномоченный – оба обратились в слух, боясь только спугнуть свидетеля неосторожным словом.

– Не понадобилась, значит, ваша помощь? – осторожно спросил Иванов, доставая из кармана картонную коробку «Казбека» и протягивая водопроводчику.

Денис лишь удивлённо качнул головой. Что Иванов сам не курит, Денис понял ещё вчера, но вот, поди ж ты, держит при себе хорошие папиросы. Видимо, как раз для таких случаев.

Водопроводчик от коробки отмахнулся:

– Не курю я ваши сигарки. Слабоваты они для меня.

Но предложением был явно доволен и вообще поглядывал на Иванова одобрительно и чуть покровительственно.

Достав из кармана кисет, сшитый из весёлого ситчика, водопроводчик ловко свернул козью ножку, прикурил, не чинясь, от спички, поднесённой Ожаровым, и принялся вдумчиво рассказывать:

– Значица, первый раз Алька растянулась под самым моим окном. Ну и завернула так, что я её зауважал сразу. Я, значица, в окно выглянул, смотрю, она, как корова на льду, на своих копытцах поднимается. Ну, я думаю, значица, руки-ноги целы. А она схватилась за стенку и дух переводит.

– Крепкая девка была, значит, – по-свойски подмигнул водопроводчику Иванов.

Тот радостно угукнул и затянулся ядрёным самосадам.

Иванов понимающе улыбнулся и словно невзначай, пока водопроводчик выпускал сизый дым и потирал заслезившиеся глаза, спросил:

– Так что Алька? Встала и домой пошла?

– Да нет, – поморщился от непонятливости следователя водопроводчик. Ну, сразу видно, молодой ещё, хоть и не дурак, и вообще, человек неплохой, видно, как ему не помочь? – К ней хахаль подошёл. Приобнял, значица, и в подворотню повёл.

Водопроводчик в две затяжки докурил свою самокрутку, аккуратно затушил её в пепельнице и задумчиво посмотрел на Иванова.

В комнате повисло молчание. Наконец Иванов не выдержал:

– А дальше?

– А дальше – всё, – спокойно припечатал водопроводчик. – Я на кухню пошёл чайник ставить, а когда вернулся, в подворотне ни Альки, ни её хахалю уже не было.

У Дениса резко пересохло в горле, и сами собой сжались кулаки, так, что ногти впились в ладони, но сейчас он ничего не чувствовал.

– А вы его рассмотрели, хахалю этого? – судя по севшему голосу Иванова, эмоции он сейчас испытывал примерно те же, что и Денис.

Водопроводчик впал в некую задумчивость: хмурил брови, жевал губы и молчал. Молчал не меньше минуты. Все терпеливо ждали, понимая, что сейчас торопить свидетеля нельзя. Это как на рыбалке: если поспешишь, не выдержишь, то сорвётся рыба с крючка – и поминай, как звали.

Наконец Иван Никифорович снова заговорил:

– Ну, чего на него смотреть? Чай не девка. Алька – хороша, а хахаль... Парень как парень. Иванов кивнул, полностью соглашаясь с умным человеком, но спросил:

– Парень, значит? Не мужик?

Водопроводчик важно кивнул:

– Не мужик! Такой... дохляк, соплёй перешибёшь. Навроде вашего мальчика, что давеча ко мне приходил.

– А ты, Иван Никифорович, раньше его не видел? – с явной надеждой в голосе спросил Иванов.

Водопроводчик опять пожевал губы:

– Не видел вроде... Темно в подворотне-то!

– А свет? Свет в комнате у вас горел, Иван Никифорович?

Водопроводчик отрицательно мотнул головой и презрительно скривил губы:

– А зачем мне свет? Я и без света что надо найду. Не то что Сидоровы. Жгут и жгут электричество. А чего жгут, спрашивается?

Но Иванов не дал свидетелю уйти от главной темы разговора и ловко вернул его в нужное русло, мягко улыбнувшись и с сожалением в голосе протянув:

– Жаль, что вы почти ничего не видели...

Водопроводчик сердито насупился:

– Как это не видел?! У меня глаз – ватерпас! Я тебе и без света что хошь увижу!

Он беззвучно зашевелил губами, сердито поглядывая на Иванова, и вдруг радостно и победно улыбнулся:

– В пальто он был! Да!

И тут водопроводчика как прорвало, он вдруг начал взахлёб рассказывать разные подробности. И какого роста ухажёр был: «Пониже тебя, значит, но не сильно. Говорю, на мальчика вашего похож». И про кепку: «Как вот у товарища милиционера» – и тыкал пальцем с обломанным ногтем в сторону вешалки, где висела кепка Ожарова. «И поздоровался он с Алькой так ласково» – и причмокивал губами, что, видимо, должно было означать ласковый разговор. «Алечкой назвал» – и ириво, но неловко подмигивал Иванову.

По всему выходило, что Алевтина и правда знала своего убийцу, прав был Петрович.

После того, как подписали протокол, Иванов проводил водопроводчика до самой двери, уважительно пожал руку на прощание и торжественно объявил:

– Выражаю вам благодарность от всей советской милиции! Вы настоящий товарищ, Иван Никифорович!

Водопроводчик побагровел до самых ушей и что-то пробурчал себе под нос явно довольное.

Иванов подал ему листок бумаги с номером телефона:

– Если что вспомните, Иван Никифорович, звоните сразу мне! Скажите, мол, следователь Иванов ждёт моего звонка.

Водопроводчик бережно свернул бумажку с телефоном и убрал во внутренний карман пиджака.

«А ты действительно кого хочешь разговоришь». И вдруг Денис понял, что думает про московского следователя без уже ставшего привычным раздражения. Пожалуй, впервые с момента знакомства.

Глава 6

«Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река...»

Сергей недовольно скривился и повернул рычажок громкости радиоприёмника почти на минус. Бравурные песни всегда были непонятной любовью обывателей. Причём любых. И политический строй или нация тут роли не играли.

Он достал из шкафа чистую рубашку и снова поморщился – от белого шарфа, висящего тут же, отчётливо пахло табачным дымом.

Вот всем хорош Ожаров, умный, проницательный, сдержанный, но вот эта его страсть к дешёвым папиросам Сергея по-настоящему раздражала. Хорошо, что он захватил запасное кашне, – это стоило отдать в стирку. И попросить администратора или дежурную по этажу, чтобы нашли ему прачку, только хорошую. Запас свежих рубашек тоже не бесконечен, а насколько он тут задержится ещё – неизвестно.

Короче, утро началось так себе. Интересно, что день грядущий нам готовит...

К зданию Центрального отделения милиции служебный автомобиль подвёз Сергея за пятнадцать минут до начала рабочего дня. Но не успел он сделать и пары шагов, как наперерез выскочила уже знакомая фигура, в которой безошибочно узнавался давешний бойкий репортёр с вокзала. Тролев, Александр Тролев. Сергей сам собирался ему сегодня звонить, а тут прямо-таки – перст судьбы.

Тролев мыслей Сергея, конечно же, знать не мог. Он подлетел к нему, шмыгнув покрасневшим от холода носом и быстро заговорил, вцепившись в рукав шубы, словно боясь, что Сергей уйдёт, не выслушав:

– Сергей Алексеевич! Товарищ следователь! Скажите, чтобы меня в отделение пустили! У меня важные сведения по делу есть!

Сергей остановился, мягко высвободился из озябших пальцев репортёра и с интересом спросил:

– А вы сейчас про какое дело, товарищ Тролев?

Репортёр улыбнулся посиневшими от холода губами и радостно доложил, выбивая зубами чечётку:

– Так по делу Потрошителя и его последней жертвы, Алевтины Матросовой!

Сергей покачал головой. Да, тут, в N-ске, про тайну следствия если и слышали, то имели о ней весьма необычное представление.

– Ну пойдёмте, расскажете, – сделал приглашающий жест рукой в сторону входа в милицию Сергей.

Тролев шёл рядом, подстраиваясь под широкий шаг Сергея, и при этом не замолкал ни на секунду:

– Мы ведь с Алей знакомы были, в одной комсомольской ячейке состояли. Вот. Я и поговорил с ребятами...

Дежурный на входе сурово сдвинул брови и веско обронил:

– Не велено пускать.

Но Сергей лишь шевельнул бровью и подпихнул затормозившего было Тролева в спину. Дежурный спорить с московским следователем не рискнул, только тяжело вздохнул и поднял трубку телефона, явно собираясь доложить начальнику отделения о вопиющих нарушениях его приказа.

Тролев почти вприпрыжку рванул по коридору, но на секунду всё же остановился и совсем по-мальчишечьи показал милиционеру язык.

Ожаров уже был в кабинете, Сергей понял это, даже не дойдя до полуоткрытой двери, – по ядрённому запаху дыма и мысленно чертыхнулся: почему старший уполномоченный не может

хотя бы курить не такие дрянные папиросы? Вот есть же тот же «Казбек», например. Хоть пахнет довольно приятно.

В кабинете был не один Ожаров: за своим столом уже расположился с кружкой крепкого чая Петрович, а возле самого окна сидел Егор. Не хватало только Митьки, но тот, скорей всего, опять в Торгсине, ищет то, из чего была выдернута загадочная нитка.

Все трое одновременно подняли головы на открывшуюся дверь и с удивлением и недоверием уставились на Тролева, который неожиданно ступался и даже спрятался за спину Сергея. Тот покосился на смущённого репортёра и удивлённо качнул головой. Такой стеснительности от Тролева он точно не ожидал.

Егор громко хмыкнул и неприятно улыбнулся:

– Интересно, Матвейч его просто с крыльца спустит или под зад коленом ещё даст?

Стало ясно, что Тролев совсем не стесняется – он опасается. Ну, то и понятно. Милиционеры – люди горячие, могут и по шее надавать.

Сергей выдернул у себя из-за спины Тролева и громко сказал:

– У товарища репортёра есть что нам сообщить. Послушаем. А под зад коленом – всегда успеем.

На пороге громко кашлянули. Сергей обернулся и встретился взглядом с Мальковым.

Тот задумчиво почесал подбородок и спокойно бросил:

– А что, товарищ Иванов прав. Давайте послушаем. Вещай, Александр.

И Тролев не подвёл. Как-то разом подобравшись и даже перестав зябко ёжиться, он начал рассказ. Подробно, но в то же время не растекаясь мыслью по древу, репортёр выкладывал факты. Про комсомольскую ячейку, про Сидорова и многочисленных любовников Матросовой. Сергей слушал и удовлетворённо улыбался. Всё же он не ошибся, Тролев накопил много и как свидетель был практически идеален. Всё-таки уметь внятно излагать факты – тоже талант.

– Колька Пронин... – задумчиво протянул Мальков и повернулся к Ожарову: – Это же Килька у нас?

Тот затушил в пепельнице очередную папиросу и кивнул:

– Он самый. Рабфак ещё в прошлом году бросил. С Богданом связался.

– Сегодня у нас сбор участковых инспекторов в отделении, – Мальков снова мельком глянул на Тролева, – ты, Александр, можешь остаться. Но если хоть ещё одно слово в газете без согласования со мной или товарищами Ожаровым и Ивановым...

Мальков не закончил фразу, только прищурился, словно в прицел на Тролева глянул, и тот понятливо закивал и расплылся в улыбке, понимая, что вето на посещение отделения с него сняли. Ну, хотя бы временно.

Мальков развернулся и вышел из кабинета, напоследок сказав, глядя на Ожарова:

– Сейчас Рыскова пришлю, участкового инспектора. Он вам подробно расскажет, где Пронин и что делает.

И действительно, через несколько минут явился высокий, под два метра ростом, крепкий мужик, чем-то напоминающий былинного богатыря, застенчиво улыбнулся и оглядел всех тёмными, почти чёрными глазами. И протопал к свободному стулу.

Сергей давно не ощущал себя таким маленьким и даже почти ничтожным, как рядом с этим великаном.

Ожаров деловито пожал руку Рыскову, вокруг да около ходить не стал, а сразу перешёл к делу:

– Где Килька сейчас, знаешь?

– Да как не знать? Знаю. – Рысков повёл плечами, словно форменная гимнастёрка жала ему. – Две недели как в Рамень уехал. Там у него отец сторел вместе с домом и жинкой. Так Колька на похороны и уехал, и до сих пор не вернулся.

Ожаров разочарованно выдохнул:

– Точно знаешь?

– Точнее некуда. Сильно он батьку любил, хоть и не мог простить, что тот год назад на молодухе женился, как мамка Колькина померла. Вот и переживал. На поминках напился до потери памяти. Сначала плакал, потом песни орал, а потом драку затеял. Его местные товарищи скрутили, но в милицию сдавать не стали. Всё-таки отец погиб, понимание проявили. Так они его в чулане заперли, только до ветру выводят да самогонку с огурцами носят. Ждут, пока сам пропьётся да в разум войдёт.

– Значит, два дня назад его в N-ске не было? – Ожаров, казалось, с непонятым облегчением улыбнулся.

Рысков утвердительно кивнул:

– Точно не было. Я сам только вчера из деревни вернулся, тоже батьку Колькиного хоронить ездил, мы с ним в гражданскую вместе воевали. Да на девять дней в деревне и задержался. Да... Так я сам слышал, как Колька песни в чулане блажит.

– До Рамени вёрст двадцать будет? – задумчиво протянул Петрович.

– Все двадцать пять клад. – Рысков задумчиво наморщил лоб.

– Спасибо, товарищ. У меня вопросов больше нет. – Ожаров повернулся к Иванову.

Сергей пожал плечами:

– У меня тоже. Но вот справочку всё же подготовьте о местонахождении гражданина Пронина. И в сельсовете заверьте.

– Знамо дело! – Рысков поднялся со стула и, дождавшись разрешения от высокого начальства, двинулся на выход.

– Значит, не Колька, – недовольно, словно тот был в чём-то виноват, посмотрел на Тролева Ожаров.

Но репортёр уже совсем освоился в кабинете, смущаться и бояться, что выгонят, перестал. Вольготно уселся на одном из стульев и в ответ на суровый взгляд Ожарова, только пожал плечами, мол, а я здесь при чём? И впрямь, не он же Кильку самогонкой поил.

Сергей усмехнулся: молодец Тролев, ему точно палец в рот не клади – голову оттяпает!

Но Ожарова смутить было тяжело. Он молча открыл стол, достал оттуда чистый лист бумаги и вынул из стаканчика выдавшую виды ручку. Всё это он положил перед Тролевым и коротко скомандовал:

– Пиши.

Тролев похлопал пушистыми девчачьими ресницами и удивлённо спросил:

– Что?

– Не строй из себя дурака. Пиши расписку о неразглашении тайны следствия. Имей в виду – это уголовно наказуемо, – Ожаров был вежлив и даже сух, но голубые глаза смотрели на Тролева так холодно и сурово, что тот поспешно подвинул к себе лист бумаги и что-то застрочил быстрым ровным почерком.

Ожаров дождался, пока тот закончит, и ловко выдернул расписку из-под его локтя. Прочитал, удовлетворённо кивнул и молча убрал в сейф.

– Можешь идти, если ты нам понадобишься – вызовем. – Ожаров на Тролева не смотрел, просто опять уселся за стол и открыл свою записную книжку, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Возмущённый Тролев вскочил со стула:

– Но как так-то?! Сергей Алексеевич, хоть вы скажите товарищу Ожарову! Я же преступника поймать хочу помочь! И вообще – я расписку дал!

Сергей наблюдал за этой картиной с лёгкой полуулыбкой. Кажется, этот Тролев сильно насолил оперативникам. Ну, Ожарова и его людей понять можно, да и в целом нечего гражданским в отделе просто так ошиваться. Хотя подсластить пилюлю всё же надо.

– Александр, боюсь, что вы больше ничего интересного пока не узнаете. Сейчас у нас пойдёт рутинная скучная работа. Вы пока идите, статью готовьте. Только постарайтесь без конкретных имён. Материала у вас пока достаточно. Принесёте к нам на одобрение, а к тому времени, возможно, мы сможем вам сообщить что-то новое.

Тролев страдальчески поморщился, но ответил по-деловому:

– Спасибо, товарищи. Если понадобится моя помощь – вы всегда можете рассчитывать на меня.

Коротко кивнул и вышел из кабинета. Всё же профессионал, этого у него не отнять.

Как только дверь за Тролевым захлопнулась, Ожаров сразу поднял голову от своих записей:

– Так, диспозиция на сегодняшний день такая. Я – к Игнатьеву, должна быть готова экспертиза по нитке. А то, чувствую, у Митьки в Торгсине дело затормозилось. Всё же не удалось хвалёному специалисту по такому малому признаку определить вещь, из которой эту самую нитку и выдернули. Петрович – в ресторан. Надо смену, которая работала в день убийства Матросовой, допросить как следует. Кого сочтёшь нужным – пригласишь к нам для более подробной беседы. Егор – давай-ка дуй сегодня на квартиру к Пронину. Поговоришь с соседями. Конечно, хорошо, что есть такой свидетель как Рысков, но мало ли. Может, кто из дружков Кильки на Алевтину глаз положил. И убил из ревности. Или, наоборот, кто-то из недоброжелателей Кильки Алевтину из мести зарезал. Пспрошай там. Одному тяжело, я знаю, но Мальков человека сегодня обещал прислать. Я, как от Игнатьева вернусь, как раз с новичком и побеседую.

Ожаров повернулся к Сергею:

– Ну а вы, товарищ Иванов, сами смотрите, к кому присоединиться.

– Я, если вы не против, с вами бы пошёл, Денис Савельевич. Хотелось бы самому эксперта послушать. Да и на вашу лабораторию взглянуть. Возможно, чем помочь смогу. Но вообще давайте так: я – в вашем распоряжении. И вы меня используете, как считаете нужным. – Сергею даже интересно стало, что ему Ожаров на это ответит, не захочет ли золотую рыбку на посылках, а вернее – важняка на побегушках.

Ожаров только кивнул. То ли соглашаясь, то ли просто мирясь с этим фактом.

Сергей немного подумал и предложил:

– У нас с вами, Денис Савельевич, два автомобиля в распоряжении. Глупо нам с вами свадебный поезд устраивать. Я предлагаю на сегодняшний день отдать ваше авто одному из оперативников.

Денис предложению явно обрадовался и, поразмыслив немного, распорядился:

– Егор, тогда ты автомобиль берёшь. Петровичу до ресторана две трамвайные остановки, а тебе – на другой конец города добираться.

Когда Сергей увидел Научно-Технический отдел N-ска, если, конечно, местную лабораторию можно было назвать таким громким именем, он не знал, смеяться ему или плакать. В тёмном полуподвальном помещении размером не больше хорошего чулана в каком-нибудь господском доме располагалась лаборатория Угрозыска, состоящая из старого микроскопа, пары спиртовок и скрипучего шкафа с реагентами. Тут царствовал и правил единственный эксперт, он же бывший учитель химии в мужской гимназии, Борис Терентьевич Игнатьев. В очках с треснутым стеклом, с застарелыми химическими ожогами на руках, он скорее походил на бомбиста начала века. Сергей мысленно махнул рукой на успех этого безнадёжного дела. Что этот чудак может сказать по единственной нитке? Даже не очень ясно, из пальто эта нитка или, может, из шарфа. Эх, вот бы её отвезти в Москву, в НТО Прокуратуры... Времени нет, возможности нет... Но Ожаров, как ни странно, опасений Сергея не разделял. Он почему-то безоговорочно верил в Игнатьева. И оказался прав. Отчёт эксперта оказался очень толковым. Даже в Москве вряд ли бы выжали из нитки больше.

Сергей читал убористый почерк Игнатьева, щедро приправленный старорежимными «ятями» и «ерами». Так, значит, нитка всё же из пальто. Драп очень хорошего качества, явно нессоветского производства, в нитке, помимо овечьей шерсти, присутствовала шерсть другого животного. Какого точно, эксперт затруднился сказать. И по степени износа выходило, что пальто не новое, лет пять или шесть ему, не меньше.

Теперь следовало узнать, где и когда торговали таким драпом или готовым пальто. Торгсин мог предоставить такие сведения, но была вероятность, что пальто купил один гражданин, а потом перепродал его другому, и не один раз – за пять-то лет! И цепочка могла оказаться очень длинной. Но всё равно, это была зацепка, настоящая и внушающая надежду. Правда, результат можно было ожидать не сразу. Проверить все накладные, все ордера на получение пальто или драпа – дело далеко не одного дня.

Но начало было положено. Только бы Потрошитель не уехал из города, только бы не поменял место своей охоты. Это бы означало полное фиаско. Впрочем, Сергей был твёрдо уверен – Потрошитель не уедет. Он словно чувствовал его где-то рядом. Совсем близко. И это ощущение с каждым днём только крепло.

На прощание Сергей пообещал завтра же прислать свежие журналы по криминалистике. Только накануне отъезда и получил их из Берлина. Успел изучить в дороге и даже кое-что для себя отметить.

Игнатьев радовался обещанию как дитя, тряс Сергею руку и приговаривал:

– Заодно немецкий свой освежу, а то в последнее время... хм... Очень жду!

Стоило завтра и фотоаппарат свой из гостиницы захватить, «ФЭД», почти полную копию заграничной «Лейки». А то единственный на весь отдел фотоаппарат был стареньким, ещё пластинчатым «АРФО». На улице снимать неудобно, особенно вечером. Сейчас зима – темнеет рано.

Копию экспертизы отправили Митьке, который второй день не вылезал из Торгсина. Новые сведения точно помогут сузить радиус поисков.

А в кабинете их ждал новый член оперативной группы. Чем-то неуловимо похожий на Митьку и Александра Тролева вместе взятых, хотя чем – непонятно. У нового оперативника был абсолютно другой фенотип. Чёлка светло-русых волос падала на чистый высокий лоб, отте- няя серые, почти прозрачные глаза. Тут парнишка улыбнулся, и Сергей понял, в чем схожесть всех этих трёх молодых людей. Юношеский энтузиазм плескался в них через край.

– Здравия желаю, товарищи! Разрешите представиться – Владлен Кудряшов для прохождения службы прибыл! – бодро отрапортовал новобранец.

Ожаров вскинул бровь:

– Откуда прибыл, товарищ?

– Из отдела каталогизации! По личному распоряжению товарища Малькова!

А Сергей удивлённо переспросил:

– Владлен? Это – Владимир Ильич Ленин? Сколько же вам лет, молодой человек?

Владлен беззаботно засмеялся, показывая выщербленный передний зуб, и ответил:

– Двадцать один год. А отец с матерью меня уже после революции переименовали. Раньше Николаем звали. Меня так бабка назвала, в честь императора. А отец – красный комиссар. Сказал – не бывать такого, чтобы сына как царя звали. Вот и переименовали.

Парнишка Сергею понравился. Да и Ожаров старательно прятал улыбку, стараясь казаться серьёзным и даже суровым начальником. Он скептически оглядел Владлена с ног до головы и спросил:

– Ну, при задержании пригодись... Бегаешь быстро?

Парень не стушевался, широко улыбнулся, не стесняясь щербатого зуба, и бойко ответил:

– Бегаю – очень быстро, но я ещё и пишу без ошибок! И из нагана стрелять умею!

Тут и Ожаров не выдержал, засмеялся.

– Без ошибок – это хорошо! А чем пистолет от нагана отличается – знаешь?

Парнишка посерьёзней лицом, вытянул руки по швам и отчеканил:

– Револьвер – это тот же пистолет и отличается от другого стрелкового оружия наличием вращающегося барабана для патронов. В нагане имеются обоймы для патронов, которые вставляются в оружие непосредственно вместе с патронами! – И гордо закончил: – Я в тире девять из десяти выбиваю.

– Лихо! – одобрительно кивнул Ожаров. – Меня можешь звать Денис Савельевич. Это, – он кивнул на Сергея, – Сергей Алексеевич, следователь из Москвы. А с остальными ребятами позже познакомишься. И можно без званий и «разрешите доложить». У нас всё же не армия, хоть и мы советских граждан охраняем. Но лучше всё же – по именам-отчествам.

А Сергей внимательно разглядывал левый рукав пальто Владлена. Старенького, но вполне приличного пальто. Возле плеча была свежая латка, словно прореху недавно аккуратно зашили.

– А где ты пальто умудрился порвать?

Владлен удивлённо обернулся на Сергея, явно не ожидая от следователя такого странного вопроса.

– Да я сейчас и не помню. Пару дней назад зацепился где-то, целый клочок выдрал. – Он опять широко улыбнулся. – Вот, самому зашивать пришлось.

Ожаров тоже быстро глянул на залатанный рукав и спросил:

– А ты местный, Владлен? Давно в N-ске живёшь?

– Не... – Владлен снова тряхнул чёлкой. – Не местный. Рядом тут жил, в Кувшинове, уездный городок в верстах тридцати. Приехал три недели назад!

Сергей насторожился. Именно тогда убийства в N-ске и начались. Конечно, похожее пальто, да ещё с вырванным клочком – странное совпадение, но не повод подозревать мальчишку. Хотя проверить не лишним будет.

Владлен явно не замечал настороженных взглядов старших товарищей. Он просто был очень рад, что попал в группу к таким знаменитым сыщикам. В конце концов радость переполнила его и выплеснулась наружу:

– Вы, товарищ старший уполномоченный, знаете, я про вас столько слышал! Это же вы убийство семьи Недотяповых раскрыли! И банду Прохора Коромысла в одиночку взяли! Да вы, можно сказать, легенда... А я, как приехал, к вам просился. А меня – в архив, бумажки перебирать, пока нормативы не сдал. На отлично сдал!

Ожаров поморщился. Восторженные дифирамбы ему явно не льстили, скорее раздражали. Да и рваное пальто, судя по всему, тоже покоя не давало. Он рассеянно улыбнулся и вдруг, глянув за окно, где совсем по-зимнему подмораживало, спросил:

– Ты как-то не совсем по сезону одет. Не мёрзнешь в пальтишке-то?

Владлен ошарашенно замолчал на пару секунд, но тут же снова заговорил, не теряя своего радостного настроения:

– Далось вам это пальто... Отец с матерью в прошлом году на рынке выменяли. Его сначала батя носил, а перед самым отъездом мне отдал. Хорошее же ещё пальто. Добротное. Его носить не переносить можно. Кстати, я, когда пришёл сюда к вам, на крыльце парня встретил. У него почти такое же! Я ещё удивился... Надо же, какие совпадения бывают! Дежурный сказал – это Тролев, из газеты. Надо же, такой молодой – и уже репортёр! У нас есть типография, но там все газетчики старые уже. По сорок с лишним лет!

Сергей вздохнул. Да, пальто – зацепка очень ненадёжная. Множатся эти пальто в геометрической прогрессии. Вот уже два одинаковых. И это точно не предел. А вот алиби у Тролева проверить надо. Да и у Владлена тоже не помешает.

Может, и глупость, но Сергей знал – в жизни случаются очень невероятные происшествия. Иногда преступник настолько не похож на злодея в привычном смысле этого слова, что просто диву даёшься.

Он встал, похлопал Владлена по плечу, кивнул Ожарову и вышел из кабинета, зажимая в кулаке нитку из пальто Владлена. Сейчас он спустится к Игнатьеву и не уйдёт из лаборатории, пока тот не проведёт сравнительный анализ. Даже если им обоим придётся там же и заночевать.

Глава 7

Денис не знал, почему так повёлся на это пальто. С одной стороны – глупо подозревать мальчишку из-за нелепых совпадений. А с другой... Во-первых, в практике Дениса был случай, когда злодеем старушка оказалась, невинный божий одуванчик на первый взгляд. А во-вторых, надо сразу все точки над «i» расставить. Им с Владленом, по-хорошему, ещё в засадах сидеть, друг другу спины прикрывать, а значит, нельзя сомневаться в боевом товарище ни на грамм.

Может быть, это и паранойя, но... Кто-то убивал девушек, хладнокровно и цинично. Тот, кого они не боялись, кого подпускали к себе близко. Это был белый камушек на чашу весов Владлена.

Вряд ли потерпевшие знали приезжего мальчишку. Но пальто у Владлена недавно. Поэтому – всяко может быть. И да, настоящий оперативник всегда немного параноик. Сам себя иногда подозревает.

Поэтому Денис был доволен небольшой хитростью Иванова. Ниточку тот ловко из пальтишка выдернул. Проверит её Игнатъев, и можно будет немного расслабиться. Или – не расслабиться.

Он тряхнул головой, словно отгоняя навязчивые мысли, и вдруг заметил на спинке стула белый шарф Иванова. Странно, этот щёголь с ним никогда не расставался...

Денис отправил Владлена на склад получать обмундирование, пока кладовщик не ушёл, а сам приготовился к долгому ожиданию. Экспертиза – дело не быстрое.

Поставил кипятиться воду, достал сушки и кусковой сахар, разложил на газете наган, из которого методично вытащил все патроны. Вынул из сейфа чистую тряпицу и бутылёк оружейного масла. Тут же рядом на стол легли пачка верной «Комсомолки» и коробок спичек. Если уж ждать несколько часов, то надо провести их с удобством и пользой.

Совершенно неожиданно глаз зацепился за серую папку, лежащую на краю стола. Странно, он что, дело в сейф не убрал?! Первый раз такое с ним произошло за всё время работы в розыске. Заморочился с этим пальто окончательно.

Наган он вычистить успел и даже наградил себя премиальной папиросой «Герцеговины Флор», несколько штук которой держал у себя в столе для особых случаев. А вот насладиться чифиром с сушками и сахаром вприкуску – уже нет.

Совершенно неожиданно для Дениса через полчаса дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился слегка растерянный Иванов. Денис даже на секунду позлорадствовал: не ожидал увидеть на лице самоуверенного важняка такую обескураженность. Надо же, никакие человеческие чувства ему не чужды! Но тут же отбросил несущественные эмоции и нетерпеливо спросил:

– Ну? Что там? Что Игнатъев сказал?

Иванов подхватил своё кашне, лёгким движением намотал его на шею, потянул носом и заговорил совсем про другое:

– А чего ты всегда эти папиросы не куришь? Хорошо пахнет. Орехами. Это «Герцеговина»?

Не успел Денис удивиться и вопросу, и тому, что чопорный Иванов перешёл неожиданно на «ты», как тот тут же бросил перед ним обгоревший с одного края обрывок нитки и слегка разочарованно пояснил:

– Сказал, чтобы мы по ерунде его не дёргали и научились смотреть как следует. И видеть.

Иванов сделал жест, как будто поправляет на носу очки, и довольно похоже передразнил Игнатъева:

– Тут же и слепому понятно – цвет другой, состав и структура! Но если вам так хочется, товарищ следователь, я проведу несколько экспресс-исследований.

– Провёл? – Денис невольно засмеялся: Иванов даже интонацию сумел передать.

– Провёл, – вздохнул Иванов. – Не то пальтишко. Я, впрочем, не удивлён. Но, знаешь ли, хочется иногда верить в сказку. Чтобы раз – и главная улика по делу у тебя в руках, если не сам убийца.

Иванов уселся на диван, закинул ногу на ногу и продолжил уже совсем о другом:

– А этот Владлен парнишка хороший.

Денис согласно кивнул:

– Хороший. Только, видать, очень инициативный. Тормозить его придётся.

– Тормознём, – махнул рукой Иванов. – А всё-таки, почему ты, товарищ Ожаров, «Герцеговину» не куришь?

Ответить Денис опять не успел: на его столе вдруг истошно задребезжал телефон.

Сердце предательски сжалось от нехорошего предчувствия. Денис рывком снял трубку и отрывисто бросил:

– Слушаю!

– Ожаров, ты? А я помню, что ты вроде не уходил ещё. Сейчас дворник звонил с Пролетарской улицы. Он труп в подворотне нашёл. Женский. Похоже, что твой случай. Я сейчас туда дежурную бригаду посылаю, с ними поедешь или ваше авто вызывать? – Денис слушал дежурного милиционера и мрачнел с каждой секундой.

– С ними поеду, – отрывисто бросил он, – скажи, чтобы без меня не уезжали.

Когда он положил трубку на рычаг и повернулся к Иванову, тот уже стоял в своей щегольской шубе и неизменно кипенно-белом шарфе.

«Стирает он его, что ли, каждую ночь?» – отстранённо подумал Денис, автоматически вставляя пули в барабан нагана.

– Что-то он зачастил... – зло сощурив глаза, бросил Иванов. – Я правильно понял, у нас труп?

Денис молча кивнул, натянул кепку и шагнул за дверь. И удивлённо замер на секунду – в самом конце полутёмного коридора, привалившись к стене, сидел Владлен, на скамье рядом с ним стояли новые сапоги и лежал свёрток, перетянутый бечёвкой.

– Ты его видел, когда сюда шёл? – повернулся Денис к Иванову.

Тот качнул головой:

– Нет, он, наверное, только недавно появился. – И усмехнулся, на секунду теплея глазами. – Инициативный энтузиаст. Ему, наверное, сказали, что ты ещё не ушёл.

Владлен порывисто вскочил, смял от волнения кепку в руках.

– Товарищи! Я слышал, как дежурный вам звонил. Можно, я с вами?

– Можно, – кивнул Денис, – только шмотьё своё в кабинет забрось.

Через полчаса они уже были на месте. Старенький полуубитый «Форд» остановился у самого въезда в подворотню, натужно чихнул и замер. Иванов выскочил из салона раньше остальных, на секунду притормозил, доставая из щегольского портфеля, с которым никогда не расставался, небольшой кожаный футляр. На удивлённый взгляд Дениса небрежно бросил:

– Фотоаппарат, ФЭД. Командирская модель, спецвыпуск. Почти копия немецкой Лейки, но лучше.

Да, московский следователь был полон сюрпризов, хорошо, что пока – приятных.

Молодая женщина лежала во дворе трёхэтажного кирпичного здания. Раньше тут был доходный дом, а сейчас жили рабочие и служащие льготкацкого комбината. Рядом с телом топтался дворник, старательно отводя глаза от мёртвого тела.

В свете фонаря на снегу темнели пятна крови, а на груди женщины ветер трепал лёгкий лоскут ткани.

«Тут что-то не так», – мелькнуло в голове у Дениса. Он задумчиво оглядывал двор, не спеша подходить к трупу, потом повернулся к Иванову и вздохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.